

18+

Юрий Слобода

Книга первая, романа «В поисках Атлантиды»

ДОРОГАМИ СОВДЕПИИ

Юрий Слобода

Дорогами совдепии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55851269

ISBN 9785449899644

Аннотация

В книге Юрия Слободы повествуется о недалёком прошлом некогда великой страны – СССР. Рассматривается как целая эпоха, так и в частности. Отсчёт времени начинается с будущего – 2045 года. Дата не случайна – это спустя столетие после великой Победы Советской державы. Конец 80-х XX века. Герой романа движется по необъятным просторам своей Родины, наблюдая за происходящим. Огромный советский материк медленно уходит в небытие, подобно мифической Атлантиде...

Содержание

2045 год	8
Машина Времени	12
Саги первобытного будущего	14
1983-й год	29
Земля Полбанко – страна Заходящего солнца	81
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Дорогами совдепии

Юрий Слобода

© Юрий Слобода, 2020

ISBN 978-5-4498-9964-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Катится по необъятным просторам родины своей художник Андрей, зарисовывая впечатления. Буйно колосится серьёзная хохма жизни. И раздаёт каждому по потребности, трактуя истиной космический принцип земного бытия.

Лакомый кукиш с маслом – лентяю.

Мозолистый горб – трудяге.

Сказочную нищету – мечтателю

Тяжёлый сизифов камень – мудрецу.

И награждает посмертно памятью – гения.

Молодость его полна впечатлений, нескончаемая дорога и тайна, которую нужно раскрыть – найти Атлантиду, о которой он слышал краем уха. А в это время огромная страна его, шестая часть суши планеты, СССР, сама погружается в небытие, подобно легендарной Атлантиде.

Книга, отчасти, автобиографична. И, думаю можно сказать: «И я там был, мёд, пиво пил!» Имея сношения со всем почим, что не чуждо обыкновенному смертному. Хотя бы раз в жизни.

Проповедуя прекрасные глупости.

Совершая омовение души в стакане.

Купаясь с голой Правдой в женской бане.

И поджидая протокольную ложь в фальшивой маске добродетели. В судный час времени.

А ещё говорится здесь о том: что может быть, или было, и чего никогда не было, и быть не может.

Книга первая, романа «В поисках Атлантиды»

2045 год

*«Земную жизнь пройдя до половины,
я очутился в сказочном лесу»
Данте Алигьери*

Шёл 2045 год от рождества Христова. На житницах Родины устойчиво колосился «коммунистический-капитализм». От Северного полюса до Южного. И эпоха, о которой так долго говорили... наступила. Наконец, пролетарии всех стран и буржуи – объединились, для совместной нищеты и эксплуатации, под девизом: «Каждому своё».

Тогда, после крушения мощной красной империи, в конце XX столетия, страна погрузилась в летаргическую спячку... Русского медведя загнали в берлогу и закупорили выход, запечатав как джина в сосуде. Никто ещё, кроме правящей элиты не знал, что страна находится в экономической оккупации, превращаясь в колониальный сырьевой придаток... Обещано было многое... К 2045 году, продолжительность жизни – 150 лет, а некоторые – тот же Курцвейл, предсказывали – бессмертие... И что работать скоро не придётся, будут вкалывают роботы... Что ещё? Илон Маск разрабатывает электромобили, которые не загрязняют окружающую среду... Нефть стала непотребным мазутом... Да многое че-

го ещё...

Шли годы, за ними десятилетия... Наступило время, колониальная провинция уже обладала всеми внешними признаками заокеанской метрополии – убогая нищета и блистательная роскошь. Некогда великая держава СССР, была стёрта с карты истории... непотопляемый красный континент уходил в небытие, как мифологическая Атлантида.

Начищенным блеском грандиозности сияло плато Колорадо. Шла великая пора жатвы. На Оклахомщине, Сумщине и Полтавщине гиганты-комбайны убирали кукурузу и сахарную свёклу. Гибрид, выращенный совместным трудом ботаников и селекционеров. Сладкая жизнь улыбалась сахарными устами со всех билбордов и мониторов. Казалось, было всё в шоколаде. И заглянуть в прошлое, при совершенных технологиях, было уже доступно...

А в лабораториях шла кропотливая научная работа по изучению гена наследственности злачных, для повышения урожайности. И человекообразных, для улучшения работоспособности. Всё на благо великой демократической империи...

Зрелая, но цветущая женщина Роза Андреевна, занималась расщеплением гена памяти гомо-сапиенса.

В лаборантской было чисто и стерильно, как в аптеке. Но июньский зной одолевал разгерметизированные системы охлаждения. Роза Андреевна поднесла к свежим губам од-

норазовую капсулу H₂O, утолив жажду. Промокнув губы гигиеническим губным тампоном. Одета она была не по сезону компактно. Белая хрустящая униформа передника слегка прикрывала её обнажённость. Ходить в одежде было неприлично. А тем более, при исполнении или в светском обществе. Голая правда должна женственно сиять всеми выпуклыми объёмами. Долой ханжество и лицемерие, да здравствует толерантность!

Она уже плохо помнила, что её звали когда-то – Роза Андреевна. Теперь она была за идентификационным номером: dklfopr778590484//R/A9kmm. Последние значки указывали на принадлежность к специальному работающему научному составу – R/A9kmm, т.е. научные сотрудники различных степеней. Маркировок было предостаточно. Самая низшая маркировка рабочего состава была – R/Vm, что означало, рабочая биомасса, почти не имеющая никаких льгот.

А вот, имена или клички имели право носить только животные. Человеческому организму это было неприемлемо. Все смутные воспоминания R/A9kmm, уходили в неясное прошлое, которое, казалось теперь сном. Реальностью была только работа. Работали, чтобы жить. Работать хотели все и никто никого не заставлял, просто «выключали» его номер и человек переставал существовать.

Сегодня, как всегда, работы было много и нужно было всё вовремя успевать.

Вначале родилась мысль. Человек одел её в образ. Затем

выбил на камне. Высек в иероглифе и нацарапал на папиресе. Потом занёс мысль буквами в книгу. Когда услышал звук – записал на грампластинку. Позже – на магнитную ленту, затем на диск. И, в конце концов, внедрил в микро-чип, в котором находилось генетическое подсознание человека. С вытекающими эффектами, согласно последнего писка научно-технического прогресса, до которого додумалось человечество.

R/A9kmm, нажала на клавишу компьютера. Заблывали мониторы и прочая компьютерная ахинея, реанимируя голограмму.

– Со свиданьем!

Машина Времени

Даже каждый предмет, не говоря уже о растениях, животных и человеке, имеет кроме запаха свою ауру. Она материальна и её доступно «физически обонять».

Тонкую материльную структуру – ауру человека, уже неоднократно запечатлевали на фото и видеопленку. Она оказывается неотъемлемой, частью более глобального поля, сформированного в космических масштабах.

После ухода физического тела информационная аура человека продолжает независимое существование... информационная аура связана со структурами более высоких уровней и меняется в соответствии с поведением структур.

Эту ауру, на уровне тонкой материи, можно не только различать и фиксировать в зримый негатив, но и проявлять, преобразовывая в видимую форму, принадлежащую конкретному предмету. Но пока её недоступно усилить к восприятию. Не сконструирован ещё такой аппарат.

Космическое же пространство представляет единый живой организм, живущий и развивающийся по определенным законам. Любая форма жизни облекается в материю. Одна из них – аура, молекулярная копия формы-оригинала.

Предмет, вещь, организм, находящийся и движущийся в пространстве, оставляет за собой молекулярный шлейф – «запах ауры», по которому его можно распознать и отсле-

дить. А данный сигнал преобразовать в голограмму некогда реально существовавшего предмета, вещи и организма.

Сколько индивидуумов на Земле, столько и «запахов ауры». В окружающем нас мире, их множество.

Ничего в мире не исчезает бесследно, по меньшей мере на определенном отрезке мироздания. И воссоздать копию событий и исчезнувший организм в виртуально-реальной действительности голограммной проекцией – станет возможным. Однако, попасть в дни минувшие можно будет лишь созерцателем-зрителем, а не участником прошедшего времени.

Мы увидим реально исторических личностей и безымянных героев, и обывателей тех времён. Мы окунемся в атмосферу их жизни и быта, смоделированную не сценаристами и жанровой режиссурой по воспоминаниям лже-очевидцев или академической фантазией писателей-современников.

Мы узнаем их другими, но увидим, какими их помнит до сих пор Земля.

А они не увидят нас...

Вот такая Машина Времени возможна.

Не правда-ли? Ведь ничего нет невозможного в нашей космической реальности.

Саги первобытного будущего

«Это было ещё в ту далёкую пору, когда ручные животные были животными дикими... Человек, конечно же, был тоже дикий... И никогда бы ему не сделаться ручным, если бы не женщина»

Р. Киплинг

Был первобытно общинный коммунизм. Может быть, через тысячу лет... Может, больше или меньше. Не важно... Не было чёрных, белых и красных. Никого не было. То есть, не совсем, чтобы никого, кое где человека ещё можно было повстречать – первобытного человека будущего. Жившего в стае таких же.

Всё прочее, что иногда всплывало воспоминаниями

во снах и о чём толковали шаманы стаи – было забытым прошлым... в котором очутилась планета... может, тысячу лет назад... Может, меньше. Не важно...

Увядала зима. Лес уже выворачивал белую шкуру. Латая кожей бурых оврагов. Стягивая жилами корней, вытряхивая старые гнёзда. Напившись свежей студёной крови только что родившегося ручья, он расправлял старый хребет. Стремительно разбрасывал мощные зелёные крылья. Он раскрывался, лопнув животом почки, и молодые ростки, ещё слепые и мокрые, отовсюду тянулись к его большому зелёному вымени. Через время, заматерев, они уже вонзали в его зелёную шкуру острые коготки. Прорывались первыми напиться солнца.

Пузатая муха, шлёпнувшись на лист, отползла в укромное место, чтобы подарить лесу уродливых своих детёнышей. И, приложив косматую лапу к животу, лес чутко вслушивался, как проклёвываясь, бьётся сердечко каждой твари внутри.

Дикая женщина из дикого леса сидела на траве. Уцелевшее человечество начинало свой путь заново.

Женщина и в те времена была так же красива. В чёрной густой косе запуталась серебристая паутинка, словно в воронёном крыле белое пёрышко... Подставив большой круглый живот солнцу, женщина улыбалась. Лучи лизали его мягким языком.

За последние несколько сотен лет, была большая ред-

кость – рождение нормальной человеческой жизни. Что-то ужасное произошло в прошлом и бесплодие охватило расу людей... А когда что-то, всё же, удавалось зачать... это «что-то» и появлялось таким же... Всплывают в сознании следующие строфы:

*«Родила царица в ночь не то сына, не то дочь;
Не мышонка, не лягушку, а неведому зверюшку»...*

Но этих строф не знал никто, это было из прошлой жизни... Которая иногда возникали в памяти Розы Андреевны, женщины за номером dklfopr778590484//R/A9kmm. Тогда, очень давно, что-то не так произошло с жителями планеты... происходило медленное вымирание... Не было войн, успешно побеждали вирусы и эпидемии совершенными препаратами и вакцинами. Но население уменьшалось, смертность превышала рождаемость, которая стремительно сокращалась...

У R/A9kmm, тоже не было потомства... R/A9kmm снова прильнула к монитору, внимательно рассматривая и изучая первобытную женщину будущего.

Лесная женщина гнала от себя дурные мысли, как надоедливых ос... Она так ждала своё чадо и надеялась на лучшее. Она закрывала глаза, представляя своего малыша.

– Внутри ещё маленький зверёк с головою рыбы. Он пла-

вает, и я слышу удары его хвоста. Я превращу его в мудрое существо, с головой человека. Эта жизнь только начинается. Вырастают, как стебли, кости. Прорастают пальцы и набухают влажными вербными почечками глаза. Мышонком трепетало его сердечко. Росла и набирала силу личинка человека в утробе матери.

Жизнь, как и смерть – вечна. Человечество живёт одну жизнь, передавая друг другу, как горшок с водой. Каждый делает глоток. Главное, чтобы никто не пролил жизни. Мурлыкала земля. Воздух дышал лаской.

Она расчёсывала косу костяным гребешком. Рыбий хребет бороздил шелковисты чёрные пряди. Ойкнула, укол палец иглой. Алая бусинка крови набухла ртутным шариком, коснулась её языком. Будто и не было. Брызгалось солнце. Катилось время, скрипя колесом истории.

А в этот час, в эпителиальных тканях мизинца кипели бурные страсти. Артериальные события разворачивались стремительно и революционно. Носились, как угорелые, эритроциты. Кумачовые тельца демоса взбудораживали сонную колонию клеток. Оставили пожирать свой фагоцитоз лейкоциты. И кинулись в гущу событий, расталкивая друг друга локтями. Рубились и мутузились белые и красные тельца. Лишь одна кровяная клетка спокойно находилась в своей дермо-оболочке, как в глиняной пифоне. И в диогеновской позе наблюдала за плавными водами плазмы.

– Чем больше я знаю – тем ничего не знаю – размышляла

она. Всё уже было и ничего нового быть не может. Сущность вечна, как пространство и время. В бесконечном многообразии меняется лишь форма, подстраиваясь под эпоху. Подбирая мундир хамелеона.

И тогда, привели к ней самого старого эритроцита, упитанного и заправленного гемоглобином. И подняли ему веки.

– Вот она! – указал он на мудрствующую клетку. Которая не хочет отдать себя до последней капли за светлое будущее мизинца!

Но женщина этого знать не могла.

Лежал сытый день длинного солнца в период сочной ягоды и жирного зверя. Ленивые тени медленно сползали с деревьев. Деревья нырнули в прохладную листву, будоража в гнёздах сонных птиц. Толстая, как бухгалтер, муха, зависая в паутине, не пыталась жужжать. Мохнатый паук злорадствовал, как налоговое зомби. Покачивалось коралловое ожерелье ягод. Вознёй шуршал бездомный мышонок. Кузнечик почухивал ногу. Качалась былинка.

Жизнь, как и везде, протекала обыденно. Хрустнула разбуженная ветка ягод. И они задрожали колокольчиками, прыгивая в траву и пряча солнечный бок. Насторожила уши тишина. Вслушиваясь.

Это был мальчик, немногим больше десяти зим. Человеческий детёныш проживал на болотах. Так жили его отец, деды и прадеды. Там под ногами качалась зыбь. А над всем,

напившись алой зари, тяжело поднималось жужжащее солнце. Так и жили бы они дальше, но налетела ни них другая стая людей, охотников за чужим потомством. В те времена это было не редкостью, намного легче было добывать пищу и находить кров, чем нормальных человеческих детёнышей... Племена и стаи вырождались... Ловцы детей меняли этот живой товар на еду, утварь, оружие, огонь.

Мальчик смог вырваться. И он бежал. Сколько дней, не помнит, а эти люди тоже бежали за ним по пятам, то настигая, то оставаясь далёко позади. Ему, всё же, удалось оторваться.

Из-под ног вырвалась испуганная птица. Переходила дорогу лесная свинья, конвоируя полосатый выводок недорослей. Давали стрекача жирные зайцы от рыжего инспектора. Глухари на токовище валили тишину. Он был маленьким мышонком, спасающимся от больших двуногих. Он искал нору, куда можно будет нырнуть вьюном. И залечь, не шевелясь, на дне. Страх загнал его в этот лес, где жила красивая женщина, которая примет его, как близкого по человеческому роду. И стал мальчик жить по законам леса и неба на новом месте.

В хижине, на пушистых шкурах молодая женщина кормила младенца, умывая нежностью. Малышке было два дня от роду. Розовое личико жадно чмокало грудь. В голубых глазах крохи рождалось небо. Она улыбалась. Впереди целая

жизнь. А будущее всегда кажется прекрасным.

А лесные джунгли распахнули нехоженые звериные тропы, обнюхивая. Клекотали голоса. Изгибались змеями растения. Красным хвостом промелькнул пронырливый лис, ломая кусты, гоняя по чащам порядок. Делал заход на малый круг коршун. Чинить справедливый разбор зайцам. Солнце уже жирной птицей покачивалось сквозь ветки. Женщина села на траву. На серебристой былинке полдничал муравей. Благодаря свет божий за хлеб-соль. В шурфах подземелья горбатился он ночь на свою царицу.

Прозрачные тени сползали с каждой травинки, как купальники. Изнывая от жары, пряталось в тени нор зверьё. Одни муравьи бодро копошились, возводя свой муравьиный Днепрогэс и прокладывая Беломор-канал. Тербя рукава ручья, приближая светлое будущее в муравейнике.

Медведь, изнывал от зноя, клочьями волочил бурую шерсть по земле. У муравейника он остановился. Помочился с удовольствием. Потрусил лапой, стряхивая брызги, и побрёл дальше.

– Боги услышали нас! – завопили рыжие мирмики.

– Наступает эра светлого будущего!

Волосатый шмель бросался на цветок, раскачивая и мотая лапками медовый ларёк. А там уже струилась янтарная брага. Маленькая малиновая змейка, вынырнувшая из травы, сверкала на солнце капельками глаз, как полицейскими звёздочками. А дальше, сказочная страна мухоморов раски-

нулась перед глазами. Над кумачовыми куполами жужжали глупые мухи:

– За бугром ж-ж-жизнь прекрасна! За бугром всё есть!

Вечерами в хижине в пляшущих языках костра хрустели сухие ветки можжевельника. Красные уголья высматривали пугливую душу. Шевелились тени на стенах.

Мальчик испуганно подполз к хозяйке, поинтересовался шёпотом: «Злые духи есть в твоём лесу?»

Женщина улыбнулась. – В этом лесу их нет, они в твоих дремучих дебрях.

И коснулась ласковыми пальцами его взъерошенной головешки.

– А может, они там?

Он указал на чащу леса, где волшебностью распускались папоротники, приглашая в изумрудные дворцы. Девичьи косы расплетали корневища... Зубоскалили хищники. Жёлтый фонарь вывесила сова. Вылетали на охоту красавицы-путаны ночные бабочки. И лунный зайчик, оперившись в черную вуаль, выбрался с ними пофлиртовать.

Густая вода сумерек просачивалась в хижину, наполняя её серым туманом тайны. На крыльях летучих мышей повисали тени. Ворочался медленный огонь. Лохматая шкура, лежавшая на полу, шевелилась. Прыгали, пугая, блестящие зрачки филина. Уголья красными глазами следили за мальчиком. Ленивые языки облизывали горшок, из которого рвалась кипящая слюна.

– Огонь друг или враг?

– Смотри.

Она выплеснула из горшка лёгкую воду на раскалённый камень. Белый гриб пара выскочил из него.

Человеческий гений изобрёл уже нечто подобное, но в миллиарды раз разрушительнее и выбросил на планету ядерным взрывом.

Всё это видела Роза Андреевна, или – R/A9kmm.

Она поняла, что попала в далёкое будущее, а не в прошлое планеты. Внимательно вглядывалась в монитор, листала файлы и искала время происходящих перед ней событий. Но цифры не отображались. Нашла! Примерное время происходящего +- 300 лет.

– Неприглядное будущее у человечества... впереди – подумала она.

Имея доступ к секретной запретной информации, она знала, что когда-то человечество осваивало звёздное пространство, посылая космические корабли к иным планетам. Но всё вернётся к пещерной первобытной жизни...

А первобытный мальчик постигал таинственную жизнь леса. Куковала кукушка, сколько ему отмеренно в этой жизни...

*У лесной кукушки в сердце тоже соловей.
Красной рысью солнце рыщет меж ветвей.
Оборвались звуки... Тишина...
Только есть глаза и руки... и она...
Наворожила, костёр развела,
По синим жилам польнь пролила...
Дурман и печаль. А на сердце печать.
Пьяный запах волос... Голова хмельна...
Глаз-крососос высосет всю, до дна.
Алая лента змеёй у ног... Не буди во мне зверя, мой бес
и бог!*

*Ночь прошла. И в глаза-следы обронила каплю воды, ты.
И маленькое зёрнышко чистоты вложила в мои мечты...
И растворилась в фате небес...
И солнце белкой прыгнуло в лес...*

Он уже знал, что в лесу нет добра и зла. Всё подчиняется Сильному. За ним «добро и справедливость». И его закон: рабство для послушных; для непослушных – смерть.

Мальчик указал на ручного волка, охраняющего хижину:
– А он друг?

Старый волк поднял мудрую голову, слушая.

– Нет. Он тоже раб. И сам не знает этого. У него забрали память.

– А есть самый сильный и самый слабый?

– Всегда найдётся слабее слабого и сильнее сильного.

Говорят, волк кровожаден, лис хитёр, заяц труслив. Среди всех есть трусы и отважные воины. Они разные. И думают они по-своему: по-волчьи, по-заячьи. Думают все: маленькие кузнечики, мыши, рыбы, большие олени, медведи. Думают деревья. У всех свои мысли. Кроха стебелёк, упавший со сломанной шеи, под чьей-то лапой, умирая, тоже смотрит, как бьётся в сетях заката, разбрызгивая кровь, раненое солнце.

– Значит солнце тоже живое?

– Всё живое.

– Почему они не такие, как мы?

– А они думают, почему все не такие, как они. А человеческая безнравственность в глазах зверя – то, что он не носит хвоста.

– И маленький мышонок думает так же? Но я сильнее его.

– Важно быть умнее. Пчелиный рой рождает матка, как мудрость – цивилизацию. Плодит она и трутней, которые обжираются в пчелиных кельях, празднуя праздность. Быть умным – не значит быть сытым. Всё придумали зверочеловеки. Сильные, как быть сильным и побеждать. Слабые, как выжить и спрятаться. Можно ли забрать у матери ребёнка и выпотрошить сердце? Но у матери-зайчихи забрать зайчонка не считается несправедливым. Сила и мудрость должны сочетаться мужем и женой. Если мудрость наложница у господина, то будут рождаться рабы.

– Что такое несправедливость?

– Когда обманом волки убивают вожака стада оленей. Погибает стадо. Не станет и волков. Глупостью и жадностью все обрекают себя на гибель. Они погибнут потом, и их нерождённые дети. В жизни всё не так просто, как кажется. Тянут соломинку муравьи. Маршируют, чеканя шаг. Перед бревном все равны. В муравейнике субботник. Сияет парадом рыжая площадь. А приглядишься поближе. Тащит каждый на себя. Как лебедь, рак и щука. Так живут маленькие звери. Они воют, охотятся, растят детей, так же, как мы.

– Только не умеют говорить.

– Умеют. Мы не понимаем их слов. Белку можно понять – самому став белкой. Хотя любому языку можно научиться.

– А они любят?

– Когда животные любят, они танцуют. А от песен замирают сердца возлюбленных маленькой птичкой. А у маленькой птички – червячком.

– А у маленького червячка?

Она улыбнулась.

– Спроси у старого волка, любил ли он?

И был он не просто волк, а самый серый, с самыми огромными и белыми, как свежая кость, клыками. Сердце его соколом высоко парило в мощной груди. И бежал он быстроногим оленем.

Его молодая волчица была очаровательна. Влажный нос мог уловить самый изысканный запах. Запах свежей крови. Её красивые и чуткие уши всегда различали нежность шоро-

ха и всплеска. Она чуяла любимого на расстоянии. Её сердце и желудок терзали страсти. Он дарил ей добычу, перегрызая жертве горло. И она лакала горячую кровь, с ещё трепещущей и тёплой артерии, с его лап. Ее острые зубы говорили, что она молода и сильна. Что она хочет щенят, свежего мяса и жирной охоты. Они были созданы друг для друга. Скликает звериную любовь зов предков. В каждом звере я вижу себя. В каждом сердце живёт маленький хищник, когтистой лапой разрывающий грудную клетку, чтобы вырваться на волю.

Сильнее всего жадный зверь, сидящий внутри человека.

Мужчина и женщина ещё не знают один одного, а звери внутри уже обнюхивают тела. И ныряют в любовь, заглатывая друг друга, хватая воздух жадными жабрами. В час, когда она вылупится из сердца. Человеку кажется, что он обманул зверя. Железный нож сильнее клыка и когтя. И он не ведает, что хищник сидящий в нём, за каждую оплошность ударит тяжёлой лапой.

Внутри каждой бабочки, пьющей сладкий сок нектара, сидит мохнатый червяк, пожирающий лист.

– А, быть может, это зверь натянул шкуру человека?

Роза Андреевна, R/A9kmm, не стала смотреть дальше, она это уже видела... детей, всё же найдут и отберут... женщина успеет скрыться...

Она стала искать другое... наконец, нашла что искала, переключив на поисковик обратного времени. Замелькали

цифры и время стремительно полетело в обратную сторону. Потом цифры застыли, высвечивая на табло: +- 80-е годы, XX век.

Это то, что было нужно, небольшой отрезок времени... самые продуктивные годы жизнедеятельности своего отца, Андрея Валентиновича.

Вылепил бог горшок. Поставил обжигать. Расползся он. Запрыгал мартышкой. Тьфу, мерзость. Долой с глаз. Слел тогда бог обезьяну. Какой-никакой, гомо-сапиенс получится. А образина давай по деревьям шастать. Яблоки жрёт, сквернословит.

– Вот тебе порог, а вот тебе бог. Ступай в мир. И заповеди мои послушай:

Не ленись – так и останешься обезьяной. Не пей – свиной станешь... А сможешь зверя в себе усмирить – царем будешь...

1983-й год

«И я там был – мед-пиво пил.»

В тридевятом царстве, тридесятом государстве, дремлет село Кукарекино, укрытое снежной периной. Поскрипывая полозьями, въезжают туда сны в меховых полушубках. Тормозит ямщик-снеговик. Разбегаются они по хатам с подарками.

Сельская ночь в телогрейке и с лукавым румянцем прохаживалась по узкой улочке. Переливался отборной шелковистостью снег, наметая мучной сугроб. Сытая луна освещивала румяным сиянием. Мутной слезинкой блеснула далёкая планета. Густая тишина окунала сны в волшебную сладость.

А они проникали под пушистое одеяло, мурлычущие и тёплые, увлекая сонного обывателя в сказочное лукоморье, где учёный кот Васька с Бобиком золотую цепь для хозяйства спёрли...

Спит хозяйшкa. Добрый сон, что чарочка в грудях горит. И не у плиты она, а у свёкра на веселье гуляет. В пёстрой юбке, хороша что невеста. Отплясывает, каблук гнётся, грудь подпрыгивает. А супруг Коля не за бутылку рукой цапнул, а за бок её сдобный. Как в прежнее время. Хорошо...

Побежала счастливая слезинка на подушку. Тёплым озерцом разлилось чудное мгновенье радости. Белым гусем ка-

чается на волнах счастье домашнее. Разбросает крылья, обнимет молодуху. Принесёт ей детишек, на печь усадит, каждому пряник даст. В садике черешня сочно ягодой подмигивает: «Вызревай, Танюша, со мною». Хорошо.

Не заметишь, как заметёт, завьюжит. Лебединым пухом накроет дворик пустота стужи. Взмахнёт грациозным крылом птица-счастье. Подастся в жаркие страны. Где ещё купается в ласке нежность, прорастает в джунглях любовь. Вольными стадами бродит верность, с руки пьёт. Заклеочет сердце Тани, забьётся, вырываются глаза к небу. Где ты, женское счастье? Согревается оно в ладонях, проклёвываясь гадким утёнком. Прорастает гусиными крыльями. И в небо. Не удержишь. Ворочается сердце с боку на бок. Не спится ему. Рядом Коля похрапывает. Свой крепкий сон допивает.

Какой никакой, родной. Обняла, прижалась. Хороший был сон. Подымается печь жаром. Мышка серая поясницу прогревает. В мягких ковриках тени лапы прячут. Катится по полу лунный шар. Скрипят шорохи... Разбойник-пионер во сне руки разбрасывает. Снится ему славная потасовка. И он наподдаёт обидчику. Школе снятся каникулы.

Сельскому учителю в этот час ещё ничего не снилось. Он бодрствовал. Зрелый педагог Андрей Валентинович Рублёв-Бессеребренников, штудировал параграфы конспектов. Педагогический стаж его был без малого полгода. А возраст – более чем за двадцать три.

В его скромные педагогические сны не стучался с посохом

мудрости Григорий Саввович Сковорода. Ни Ян Амос Каменский с Сухомлинским на пару не подкатывали на тройке, предлагая: «Валентиныч, рванём в кабак, в страну познания!» Классики-педагоги даже в снах не позволяли себе этого. В тесных рамках приличия они висели по кабинетам, блистая иконописным ликом и перебрасываясь педагогическим постулатом друг с другом. И только Котляревский, сочиняя свою «Энеиду», от души хохотал над этим опусом. Но этого никто не видел. А на тройке с бубенцами подруливала сюда бесшабашность студенческая. И музы с гибкими талиями махали ручкой, выставляя ножку, кокетливо зазывая:

– Валентиныч, глянь-к...

Он стыдливо прятал глаза в конспект.

Пузатая настольная лампа напоминала пивную бутылку. Искрила янтарностью, пенилась иллюзиями. Всколыхнула она бедрами гетеры, и запрыгали в конспекте буквы. Загоняет он литеры обратно, а карандаш из пальцев гульнуть выбирается. Но сонливая рука выводит старательно: басня Крылова «Волк и Ягнёнок». Завтра показательный урок. Блеснуть ученым лакейством надо.

Административные светила придут послушать о сером злобном Волке и маленьком Ягнёнке, принципиальном и справедливом. Который пал пионерской смертью Павлика Морозова под его хищными, империалистическими, загнивающими клыками.

Социализм, расцветший как ренессанс, ещё твёрдо стоял

на монументальных колоннах. Ум, честь и совесть золотились и побрякивали чешуей орденов доблести. Время ещё только начинало поворачивать хребет ящера. А, может, это только казалось??

Проект «СССР» уже сворачивался. Точнее, это была «его» голограмма... Проект, созданный великим вождём и отцом народов умер вместе с ним. Но ещё долгих, почти четыре десятилетия его расшатывали, как могучий ствол... И, наконец, он рухнул...

Покатился карандаш по столу, как колобок, который покинул родину. Открыла птица Гамаюн вещее око и зыркнула в прошлое.

*Неужели, всё было, всё было,
Неужели, растаяло вдруг?
Бьётся в стойле гнедая кобыла,
Рвет и мечет поводья из рук.
Ржёт и рвется на волю, на волю.
«Звон подковок гнедого коня слышишь?..
Выведи в чистое поле, отпусти к нему с богом меня...»
Кони, кони летели и ржали... Я немного завидовал им.
Пусть немного, а все-таки жаль мне.
Нашей юности розовый дым...*

Все помнят то время, когда юность хлопала бойцовскими петушиными крыльями и расправляла созревшую молодую грудь.

По Харькову шёл апрель, раздавая из карманов солнечную щедрость.

У пивного ларька хлебнул слегка. Дунул, и пена облаков поплыла над мостовыми. А внизу, где асфальт блестит носом доброго пса, жила жизнь. Просыпаясь, бегала она по улицам на босых лапах. Морщились и корёжились крыши от солнечных зайчиков, попадавших ей в нос. А она говорила: «Ап-чхи». И чихала на все по-студенчески.

Бойкий, цыганский народ студенчество. Спрыгнул он с телеги вагантов. И очутился в нынешнем городе. Посещает альма-матер, как церковь, по праздникам. Хлебает знания, спешит, локтями распахивает, где на разлив потчуют этой учёностью важной, и подешевле, чтоб. Гранит науки грызёт не закусывая. А в этой юной стране все королевы, все Евы. Прелести запретные демонстрируют.

А день уже давно золотился и наливался. Звонко заливались трамваи, посаженные на цепь проводов. Киоскёрши расправляли свежие газеты в своих уютных гнёздышках. Храм науки принимал верующих в знания. Вдохновенный мэтр начитывал мудрости за кафедрой, шурша лысой мыслью. Прыгал по столам солнечный зайчик. Его шумно ловили на галёрке. Подкатывал солнечный шар к полудню. Утомленная душа, не выдержав, выскользнула из аудитории.

Пальчиком поманив хозяйское тело: – «Гони сюда, здесь они, прекрасные мгновенья молодости!»

Лестницу, ведущую вниз, подмяло время. Мехами сельского гармониста расползлась она. Приударили по ней ноги, словно чечётку отбивая.

Внизу уже поджидали друзья-мужчины. Фанерий Павлович, по прозвищу Патриарх. Он был самым старшим на курсе, это был его третий вуз. Рядом, огромный Савелий Морозов — человек и Шифоньер.

Струила лёгкая апрельская невинность. Похабный ветерок, забираясь под подол, нахально извлекал интимные ценности из капроновых колгот. Отмечалась у дерева собачонка. Малыш запускал в лужу пароход. На душе было замечательно. Выпить полнеба на пустой желудок!

А в самом центре Харькова, пятеро монументальных каменных красноармейцев и комиссаров-исполинов вышли из ломбарда. Это последний дневной дозор дряхлеющего социализма... А далеко в Москве уже началась подковёрная возня. Не стало последнего гаранта СССР, Брежнева...

А всё ли было хорошо в стране, высший государственный

пост в которой занимал этот заговаривающийся старикан, читающий речи по бумажке, а ему стоя аплодировала страна?

А у ступеней харьковского вуза внезапно появился Костя Вижульман, буревестник возлияний. Пиджак в перламутровом оперении в клетку, он гордо реял над серой толпой. Костя приближался празднично взволнованный. Патриарх взбил шляпу, почесал нос под очками. Шифоньер Савелий расправил крыло кепки. А Вижульман подправил свое пошатнувшееся материальное положение рублём однокурсницы, одолжив до первой пенсии. Материальное же кредо Бессеребренникова выражалось скупым словом – банкрот. А где-то пивные лари изнемогали, отягощенные бременем ячменного колоса. Стремительная, как «нате», выросла фигура Никиты. Из распахнутого ворота рвалась навстречу глазу дерзкая матросская тельняшка. Семейный псевдоним Никиты – Донбасс. Он был из страны, где потухшими вулканами дремлют спящие терриконы. И по узким шурфам подземелья, покачиваясь, бредут чугунные караваны вагонеток, завьюченные черным золотом.

Золота в карманах Никиты не водилось, но зато в изобилии золотым дождём рассыпал он несметные идеи, которые были дороже золота, по его словам.

– Мужики, есть дело. Приглашает Пётр Михайлович. Никита ничего зря не говорил.

Экономный и образованный человек был Петр Михайлович, заместитель декана гуманитарного факультета по хозяйственным вопросам и культурным взаимоотношениям. Титул завхоза для него был плевком в душу. Всё равно как адмирала оскорбить, назвав – швейцаром.

В главной кабинетной каморке его царил дисциплинарный порядок. И лишь бесхозяйственному глазу «склад ценной рухляди», мог показаться хаосом. У каждого гвоздика был свой персональный гробик. Для гнутых и вогнутых. В затрапезных ящичках, как в сейфиках, аккуратно полёживал столярно-плотницкий и слесарно-безалаберный инструментальный хлам. Ветхие ржавеющие мощи, густо посыпанные пылью, были под строгим учётом завхоза. В копченом футляре из-под скрипки покоился музыкальный топорик. Забыл его, должно быть, заплечных дел Страдивари, интеллигент и закадычный коллега Петра Михайловича. Гигантская труба бременских трубадуров выдувала зелёной медью скомканный бок, символизируя бараний рог изобилия подпольного складского кабинета.

Покачиваясь на разболтанных протезах в ветхой бравости гренадёров, громоздились друг на друга стулья. Используя тренажёрную местность для взятия приступом актового зала, по пьянке. Обшарпанный шифоньер – хромой фельдмаршал воинствующей рухляди, блистал разбитым пенсне стёкол, прислонившись к стене, справляя нужду сыростью.

Швабры и веники, разжалованная царица полей – пехота, после госпитализации снова была в строю. Фельдшерская рука Петра Михайловича бережно перебинтовала и заштопала боевую половую шеренгу лечебными проволочками и верёвочками.

Шедевры Васнецова и Сурикова выпадали из облезлых рамок, замученные творческим голодом. Безымянную копию «Лапоть в кокошнике», докушивала моль. Обглоданное нищей крысой чучело крокодила-каймана было музейной гордостью Петра Михайловича. Экспонат запугивал гостей вставными челюстями. С охотничьей страстью он закрепил его под потолком, как птеродактиля археолог. Оно, по-приятельски, скалилось беззубой пастью кистеперой рыбы, сбросившей плавники по старости. Металлическая клеть, должно быть средневековый подарок педагогов-инквизиторов, зияла оскалом рыжего прута. Даже сам Пётр Михайлович не мог вспомнить на кой она ему.

А в углу, за самодельным вольером, словно в зоологическом питомнике, где проводят опыты, похрюкивало, прохаживаясь, сытно домашнее животное. Филологическая гордость с разумным пяточком. Сюда и привёл Никита наёмную рабочую силу для секретного научного эксперимента.

Ослепленные могучим знанием, глаза привыкали к серой обстановке.

– Ух ты, сколько хламу!

– Это не хлам, а списанный казённый инвентарь. Подле-

жащий реставрации. – тут же отвечал Пётр Михайлович.

– Ух ты, у него здесь свинья!

– Нет, это скромный воспитанник, – завхоз представил питомца и поведал его родословную.

– Забавный одомашненный кабанчик. Питается преимущественно съедобными объедками из точек общественного питания, расположенных на территории учебного корпуса. Санитар природы и друг человека. Близкое и дорогое мне существо.

Друг заместителя декана радостно захрюкал, приветствуя его как родственника, бодро хлопая жалостливыми влажными глазками. В самом сердце первой столицы, в кулуарных будуарах гуманитарного вуза, набирало вес и повышало упитанность любимое чадо Петра Михайловича. За обе щёки наворачивая гуманитарную помощь.

– А это эволюция башмака, на стене?

– Это крокодил-кайман в засушенном виде. Редкостный экземпляр в моем кабинете. На воле обитает в естественном бассейне Амазонки. Отмечен в Красной книге и у меня в инвентарном журнале.

– А это чья клеть? Пугачёва?

– Это клетка моя личная, – скромно пояснил он, не вдаваясь в подробности. И Андрей представил ситуацию...

Скрипело несмазанное тяжёлое солнце. Выползал из предрассветного подземелья сырой день.

Как народный заступник Емельян Пугачев, заместитель

декана Петр Михайлович в железной клетке въезжал на лобное место альма-матер.

Преклонив голову, молчало студенчество. По докторской щеке декана скользила слеза. Технический персонал взял «на караул» инвентарь.

– Ага, – проскрежетал ректор.

– Вот этот несчастный завхоз, принародно объявивший себя заместителем декана по хозяйственной части!

А из скрипичного футляра приятель извлекал музыкальный топорик, наострив камертоном лезвие.

– Тридцать лет безупречной службы! – защищался обвиняемый.

– Верой и правдой. Работал, не покладая ног. Лишнего гвоздя не забил. В храме науки свинство воспитывал. А уборщиц заразил половой чистотой!

Махнул ректор платком.

– Амнистия. Нужный человек для института. Чистокровный завхоз советской кладовой.

С холодным менталитетом разведчика Петр Михайлович давал характеристику предстоящей секретной операции. В нордический характер кабанчика требовалось внести коррективы. Хирургическое вмешательство в интимную жизнь. И пускай себе бесится с жиру счастливый холостяк. Скальпель ветеринара должен отсечь ему нечто.

Кабанчика необходимо: транспортировать, оперировать,

госпитализировать и доставить больного на стационар, то есть в кладовку завхоза.

– А нельзя провести кастрацию, то есть, операцию, в домашних условиях?

– Исключено. Кабанчик будет некультурно кричать. А нам это не нужно. – он обвёл присутствующих пронизательным взглядом.

– А местный наркоз?

– Отпадает.

– Общий?

– Категорически. Кабанчик будет оперирован квалифицированным способом и надёжным специалистом. Всякие знахарские штучки не уместны.

За оказанную санитарную помощь и за здоровье больного, Петр Михайлович радушно выставлял скромный презент, бутылку домашнего производства. Ёмкость дожидалась своего звёздного часа, настаиваясь слезой.

Косте Вижульману захотелось помогать тотчас. Бутылка искушала его, приглашая хлебнуть настойку.

Завхоз отдал приказ, как старшина роты, к захвату портянок и трусов.

Кабанчик тянул на спелого борова и был не таким безобидным. Заметив повышенное внимание к себе, он начал выпрыгивать из стойла, как мустанг. Лягнул, исподтишка, копытом Вижульмана в пах. Костя поскользнулся на нечистотах, вспомнив недобрым словом мать кабанчика. Его от-

странили от операции. Вторым заходом, как егеря, на него пошли Патриарх и Савелий. Сила столкнулась с силой. Шифоньер Савелий давил его, как Геракл немейского льва. Кабанчик сопротивлялся не менее героически, с львиной отвагой. Безумные глазки его выпрыгивали. Патриарх насунул на голову мешок, как приговорённому за дерзкое ношение мошонки. Тот утих. Никита с тexasкой ловкостью стреножил копыта. Будто занимался этим всю жизнь и прибыл в вуз, между прочим, не для изучения учительского ремесла, а для повышения ковбойских навыков. Кабанчик был повержен. Пётр Михайлович трубил отбой. По лбу Савы сальными горошинами скатывался жирный пот. Заиграл солнечный зайчик на лысине Патриарха.

Андрей уже подавал машину. Изгибаясь под тяжестью туши, бригада приступила к погрузке. Петр Михайлович руководил: «Майна! Вира!» Впрыгнули в кузов.

Всё прошло без эксцессов. Добрый доктор Айболит, приняв микстуры, вострил буланый скальпель с лихостью Бармалея. Он дрожал в его хирургической руке. Дело он своё разумел. С гроссмейстерской лёгкостью стерилизовал пациента.

Через час друзья-санитары достойно прибыли в амбулаторный центр Петра Михайловича.

Больной похрюкивал за изгородью. Снизу вверх рассматривая шедевры классиков, принимая духовное успокоение. Печальный взгляд его остановился на кисти Сурикова «Утро

стрелецкой казни». Он хрюкнул, хлопая рыжей ресницей. Суровая правда жизни раскрывалась перед ним.

Домашними сладостями наполнялся столик. Лоснящейся сальностью и хрустящей зеленью. Потекла его жирная сочность по пальцам. Патриарх отцентровал очки. С солидностью главврача скомандовал:

– Ёмкость. стакан.

Буль-буль-буль.

– А у меня рюмочка маленькая попалась. И без ножи.

Сетовал Костя Вижульман.

Согрелась душа, разомлела, выползает пооткровенничать. Экономику взрыхлить. Ядерный потенциал дёрнуть за одно место. Политическое кредо прощупать. Или сойтись в словесный поединок. Принял – и ты Наполеон. Язык желает словесной баталии.

– Ещё?

– Можно.

– Добавим?

– Непременно.

– Хорошо.

– Но мало.

– А у меня рюмочка совсем никуда. Мне два раза положено.

Мычит душа – коровка недоенная. Челюсти надо погонять сплетней. Туда-сюда. Или в спор вскочить, раскудахтавая всех. Свою истину кукарекнуть. Бегут учёные остро-

слова учебную марафонскую дистанцию глупости. А истина была и есть. Пылает, как олимпийский огонь.

– Еще по одной?

– По одной.

– Поехали?

– С богом.

– А я в рюмочку сам наливать буду. А то мне повторить забывают.

Компания уже пустила живительный сок жизни и расцвела розовым румянцем. Апельсиновое солнце каталось в глазах. Весенние запахи кружили пчёлами. Зелёной мухой зависало над столом благовоние.

Савелий Морозов – человек и Шифоньер, в гамлетовской позе наблюдал за ораторствующими. Пузатая бутылка лукаво сияла полупустым стеклянным боком. Солнечный блик, попавший туда, набух и отяжелел, превратившись в хрустальный айсберг, качающийся на волне. А симфония алкогольного сияния выедала мозги зудящей скрипкой.

Сава Морозов был недюжинных способностей. В один дых мог осушить поднос пива. Иногда в нём просыпался дремлющий дух спартанца. Он разминал голеностопную мышцу, наматывая круги вокруг общежития. Вижульман, наблюдавший из окошка, только качал головой: «Лучше бы ты в гастронорме за спиртным, с пользой носился». Сейчас, в погоне за мыслью, он измотал свои богатырские силы.

– По маленькой?

– По чуть-чуть.

– Может, хватит?

– На посошок.

Обладатель рюмочки не откликнулся. Он спал, раскрыв рот в подаянии. Откинувшись на стуле, как на стоматологическом кресле.

Зелёный бешеный мул сбросил всадника на обочину. Под малиновой рубашкой болталось тело. Сава отгонял муху, кружившую над ним. Сны в изобилии рукоплескали ему. Косте снилась испанская коррида. А сам он в камзоле матадора укрощал свирепую «зубровку». Прозрачная рюмочка без ножки, проскочив сквозь его пальцы, откатилась в сторону, ахнув – «Звон победы раздавайся!» Тело матадора уложили на диванчик, прикрыв кумачовым полотнищем.

– Ботиночки снимите, – заботливо попросил завхоз.

Гордый варяг моремана Никиты давал течь. Он отстреливался крупнокалиберным краснобайством из всех эрудитных запасов. Патриарх из засады обстреливал мудрствующей остротой. Очки его поблёскивали как снайперский прицел. Алкоголь горячим дыханием зализывал линзы, создавая оптический обман. Андрей дремал. Канонада аргументов утихала.

– Ну вот, тогда одно государство, наше конечно, посредством экономической мощи сможет влиять на весь мир. – продолжал Никита.

– Неужели одно? – изумлялся Патриарх.

– Ну, допустим, пока не одно, – похрустывая огурцом, продолжал Никита.

– Мы, – он загнул один палец, – раз. Штаты – два. Германия, хрен с ней, – три. Япония. Кто там ещё? – он сунул кулак под нос Шифоньеру. – Мощь! Только как их к коммунизму привести?

Никита всех стремился привести к коммунизму, как к присяге.

Было время и многие верили в это, что наступит час справедливого равенства и трудолюбия.

Важно куняющий Пётр Михайлович оживился. Последняя рюмочка утомила завхоза. Он обратился к Никите, как к самому образованному и культурному. Щепетильный вопрос волновал Петра Михайловича. Возможно ли при всеобщем коммунистическом равенстве на планете и, само собой разумеющейся культурной образованности, снова ходить без штанов, как древние греки, которые были, как уже доказано, далеко не дураки. Пётр Михайлович в кинотеатре смотрел фильм про Юрия Цезаря. Самому ходить в таком виде, да ещё перед империалистами, зам-декану категорически не с руки. А что думает по этому поводу передовая и воспитанная молодёжь нашей страны? Похоже, эта логически выстроенная речь была подготовлена заранее.

Тишина медленно наполняла гостеприимную комнату. До краёв, как стакан. Патриарх приспустил очки, обнажив близорукость. Савва Шифоньер прекратил процесс возлия-

ния. Икнул во сне с негодованием Костя Вижульман. Никита Донбасс застыл, как монумент советского воина-освободителя, набравшегося на фуршете с подвыпившими солдатами бундесфера. Огрызок огурца напоминал солидную сигару буржуа.

– М-да... – промычал Патриарх.

– Нет! – резко отсёк Никита, выплёвывая огурец, растирая пестицидную слюну на бетонном полу – Никаких компромиссов западу!

Чтобы разрядить обстановку, Пётр Михайлович щедро выставил ещё одну ёмкость, предназначенную для дела. Пили за греческих героев, за Афины и Спарту, за спартанцев, разгромивших, а потом свергнувших, персидского царя. И за Юрия Цезаря, и за Юрия Гагарина. Патриарх декламировал революционные стихи Сапфо. А проснувшийся Костя Вижульман попросил налить за царствие небесное мифологического Минотавра, которого сразил герой Тесей.

Зам-декана снова стал свой в доску и, с разрешения Никиты, решил продемонстрировать ценнейшую антикварную вещь. Культурное достояние цивилизованных людей и граждан, а так же присутствующих. Данный исторический шедевр он давно выменял на списанный и пришедший в негодность казённый инвентарь у зам-декана по хозяйственной части городского университета. И пока никому его не показывал, потому как некультурные люди могут это не оценить по достоинству.

Завесу тайны разгребали разом. Шедевр был специально замаскирован всяким нужным хозяйственным хламом и очень увесистый. Наконец, Савелий с Никитой извлекли и подняли археологическое приобретение завхоза. Нечто, аккуратно упакованное в тряпицы и верёвочки, напоминало человекообразную фигуру почти двухметрового роста. Пётр Михайлович взволнованно суетился рядом, как профессор-стажёр у близкого ему пациента, разматывая бинты.

– Может, это мумия покойного Тутанхомона? – заметил Вижульман, наливая.

Но Пётр Михайлович не читал о бесноватых мумиях. Он торжественно повернулся к присутствующим.

– Этот мужчина проживал давно в Греции и прославил себя героическим трудом.

Завхоз ловко сдёрнул последнюю ветошь, как таурег тунику с невольницы. Скульптурная форма, периода расцвета советского ренессанса 30-х годов, отлитая в гипсе, в остатках белой скорлупы облупившейся краски, предстала перед ценителями искусства. Трещины, заштопанные заплатками алебаstra, лопнули. Но колос ещё держался.

– Это Атлант, – закончил свою мысль Пётр Михайлович.

Андрей подошёл ближе, закурил. Тяжёлая дымка поднялась над телом титана. В пустых глазах история прошлого.

– Он удерживал балкон, – пояснил Пётр Михайлович.

– Он удерживал небо, – ответил Фанерий Патриарх.

Потом пили за упокой алебастровой души советского ти-

тана Атланта.

Патриарх произносил речь.

– В мифологии древней Греции титан Атлант удерживает небесный купол над океаном. Герой Геракл ощутил на себе эту тяжесть бремени. Какая глубокая философия. Идеал равновесия единства жизненных сил. Атлантический океан происходит от его мифологического имени.

Роза Андреева убрала палец с профильной панели клавиатуры, следя за монитором, где разворачивались события прошлого двадцатого столетия.

А Пётр Михайлович уже выпроваживал студентов-полуночников. Грузное тело Кости Вижульмана, до востребования, покоилось в каптёрке альма-матер. Зачёт по трезвости был сдан. А голова учёного завхоза разбухла от научно-культурной информации, полученной во время плодотворного сеанса. Главное – время не было потрачено даром. Он напрягал шалившую мозговую извилину. Первое: коммунизм не за горами и вовсе не зазорно щеголять при этом без штанов, как пролетарию Атланту. Второе: он тоже имеет к этому непосредственное отношение. Ценный грек будет поддерживать на своих плечах не потолок его убогой каморки, а краеведческий музей города Харькова.

Беспокойные сны грубо тревожили Костю Вижульмана. Они были громоздкие и чавкающие, как грязь под ногами.

Виделось ему, что он с сумой за плечами выбредает к храму наук. Вдали уже золотился купол. Ускорив шаг, он приналёг на дверь. Аудитория раскинулась во всём фермерском безобразии. Похрюкивая, за партами вертелись мохнатые недо­росли, стреляя разумными глазками и помахивая кручены­ми хвостиками. За кафедрой, в галифе хорунжего, важно топтался Атлант, зачитывая тему лекции голосом Петра Ми­хайловича: «Нагуливание живого веса. Эффективность кор­мов. Качество копыт. И прочее, и прочее...»

– Опаздываете, пан, – пожурил он Костю. – Будьте любез­ны, ваш конспект.

Костя сунул руку в мешковину, к изумлению своему из­влекая оттуда шмат сала. Оно залоснилось интеллигентной прослойкой.

– Героям, сала! Зычно, вдруг, заорал Атлант.

– Ганьба!! – захрюкала рыльцами и застучала копытом аудитория.

Пот окатил Костю. Он проснулся. Хрюканье нарастало, как на стадионе. Он вскочил, метнул свое тело к светящему­ся окошку, как слепая бабочка, натываясь на силуэты.

Дальний фонарь освещал тусклые тротуары. Город погло­тила глубокая глупая ночь. Сознание возвращалось к нему, как к утопленнику. Он пошарил по столу. Наткнулся на без­ногую рюмочку. Она, словно нализовавшийся оловянный сол­датик, покати­лась, засияв лунной блёской. А из угла замо­лотил копытами хряк. Костя одернул его. Но он разразился

непристойным хрюканьем, оскорбляя грязным языком Наф-Нафа. Рукой, нащупав какой-то предмет на полу, он метнул в него. Затем туда полетел всякий прочий бряцающий инвентарь.

Оросив напоследок некультурного грубияна, Костя успокоился. И, растянувшись на своем лежбище, продолжил сон.

В колыбели Петра Михайловича мирно дремало свинство. Похрюкивало, почавкивало, похрапывало, переворачиваясь с боку на бок. Для матери-природы всякая тварь её чадо. Детишки её сладко посапывали. Долгую эволюционную дорогу отмахал старший братишка в галстук. Вновь потянуло его в родные пенаты, как блудного сына. Примчался он по зову сердца на зов предков. И почмокивал сочные сны, как молочный поросенок.

Младший, болезный, прохрюкал эволюционный курс. Рылом не вышел.

Хмельная ночь уравнила их. Мутное утро вползало сытым боком белого сала. Долькой хрена таяла луна. И на хрена эта эволюция?

Костя Вижульман еще нежился на куче старых матрасов. Кабанчик заискивающе выглядывал из убежища.

А день уже хлюпал первым солнечным лучом по лужам, струил легкой испариной.

Но вот, Костя подпрыгнул как физкультурник, разминая гимнастическим упражнением затекшую мысль. Проворный глаз отыскал туфлю. По-ковбойски вскочив в неё,

окинул глазом манеж. Другой не было. Корова языком слизала. Шлёпая носком по грязному полу, он начал поиск, опираясь на дедуктивный метод и интуицию сыщика, вынюхивая пропажу из аромата запахов.

Архимеда осенило, когда он окунался в купель. Ньютона припечатало увесистое яблоко. На Костю Вижульмана с потолка оборвалось чучело крокодила-каймана, укусив за ухо.

– Эврика!

Он уже стоял у деревянной перегородки. Кабанчик, завидя обидчика, забился в угол, как монашка при виде злодея-насильника. Правая туфля, почти новая, шоколадно переливающаяся, в чёрных шелковистых шнурках, теперь по-нуру скукоженная, выглядывала останками своего лакированного бока из жирной жижи. Словно корабль, потерпевший крушение у берега каннибалов-людоедов. Ночная бомбардировка имела свои плачевные минусы.

Палочкой Костя брезгливо буксировал её к гавани. Обувка напоминала доисторическое животное. Вылупившееся и окаменевшее, не успев сформироваться в какой-либо подвид. Душа выплеснула крик неандертальца. Вторая туфля как лакированная торпеда полетела в неприятельское рыло. Устроив кабанчику Цусиму, Костя поник. Безднадёжным взором он скользил по стеклу. На большой земле кипела и булькала жизнь. За спиною ворочал копытом хряк. Языческим богом разевал беззубую пасть крокодил кайман. Мрачно зависали под потолком различные тряпицы.

Наконец, в замочной скважине повернулся ключ. Сердце узника ринулось навстречу.

А в дверном проёме появилась добрая фигура уборщицы Клавдии Несторовны. Она встретила Костю с дымящимся ведром помоев и радостным известием:

– Христос воскрес!

Костя обмяк... Но, завмаговским жестом баба Клава извлекла из скромного гардероба шефа пару добротных демисезонных валенок.

Костя окинул их печальным взором горемыки кота, который получил эти снегоступы, вместо сапог-скороходов от любимого маркиза Карабаса.

Валенки были забыты не только богом, но и самим завхозом. Должно быть, в далёком патриархальном прошлом похаживал в них дедушка Петра Михайловича. В период зимних кампаний служили они ему ратную службу. Вещь была трепетно проштопана дырявой рукой-умелицей. Тупое безразличие овладело Костей. Нахлобучив их, он сел на стул. А за окошком в воздушных босоножках принцессы кружила весна. Брызнула солнечная искорка на её серебряной застёжке. И поскользился хрустальной льдинкой по асфальту.

У входа в студенческие закрома общежития прохаживалось котообразное существо по кличке Суффикс. Он, как кот Баюн, намурлыкивал сны. Общежитие сонно потягивалось, скрипя разбуженной пружиной.

Вахтер, бабушка Емельяновна, с лицом доброй сказочницы, собирала пустую стеклотару, складывая в лукошко. Ни свет ни заря, она спешила в эти «грибные» места. Они позвякивали колокольчиками, выпуская лёгкую песенку проказников троллей, веселых лесных пьянчужек.

А сюда уже нёсся по знакомой дорожке лихой баянист Гуго. Усыпив бдительность кота Суффикса рыбьим мослом, он проскользнул налимом в дверной проём, мелькнув мехами музыкального инструмента. Всю ночь он бродил одиноко с гармонью наперевес под окнами частного сектора, не давая спать девушкам и соседям. Соседи мрачно посылали его, а девушки не желали знакомиться с нахалом гармонистом. Лишь за полночь маме-старушке удалось загнать спать музицирующего вундеркинда.

Утром он понёс свою славу в студенческую аудиторию. Привычно оттолкнув ногой дверь, Соловьём-Разбойником ворвался в комнату. «Пиво-пиво-пиво!» – пожарной сиреной пронзительно заорали меха гармони. Баянист Гуго был сложен, как гиппопотам, а красная шайба, с пылу с жару, нагоняла обезьяний ужас на незнакомый женский пол. Но душа Гуго была невинна. Поклонница Бахуса и Бетховена. Рубаха в петухах браво топорщилась на животе. Линзы очков зорко блистали бриллиантом. С кроватей начали свешиваться ноги.

Худые и волчьи – Никиты. Олимпийские икры – Савы-Шифоньера. Врубелевские голени— Андрея Рублева.

Добрые слоновьи ноги гармониста, притопывая, манили их не в страну знания, а в пенистую пивную пучину раздолья.

Не хватало шустрых и хитрых копыт Вижульмана и белых святых ног Патриарха.

Вчерашний день выбил из седла ещё одного всадника. Грешное, грузное тело Патриарха было оставлено в пути. В свою скромную обитель его принял приятель, Слава Апостолов, проживавший по дороге к общежитию, когда стрелки часов клинками сомкнулись на полночи. Душа Фанерия Патриарха тенью отца Гамлета парила во снах, выбравшись из склепа забвения.

А день уже сочно настаивался. Суффикс творил разбой, терзая рыбу голову, набираясь учёности. Зелёным оком озирая свои владения. А на улицах, налево и направо расцветали чудеса в прозрачных абрикосовых платьях юности. Лопаясь бутонами и выбрасывая две элегантных стройных ножки.

Вот идёт она. Быстрая, небрежная, незнакомая. Эй, юность, ты же так болтлива. Мы с тобой одной крови!

В трамвае, как в желудке, качаются пассажиры. Убаюкивает бдительность вагончик. Выходит на охоту контролёр. Жадная совесть трамвайно-троллейбусного депо. Продирается напористо, но крадётся. Дичь мелкая, но тоже расторопная. Он охотится и на него охотятся.

– За проезд платить будем? – строго и неуверенно. Как

учитель. Закидывает удочку трамвайным недорослям.

Где этот притаившийся пассажир, который непременно выдаст себя? Ведь надо обилечиваться? В голосе потепление. Возьми, похлопай по плечу рядом стоящего, бабуся усади у окошка, ребёночку сделай «козу». Эдакий я вовсе и не контролёр. А такой же горемыка, но при исполнении. Слуга царю, отец солдатам. Поговори. Просто о жизни. Пожри вышестоящих, не ездящих трамваем. Вынюхивай чутким ухом зазевавшегося. Не успел...

Всё. Приехали.

На улице глаза побежали по витринам. Поскакали по полкам. Потрогали глазом, пощупали, глазом надкусили. А продавщица взглядом сама тебя переваривает. Должно быть, все продавцы из под прилавка лимоны кушают – тренируют улыбку. Приятного аппетита..

И мы идём дальше, любезность перевариваем. Ну вот, пришли. Серый двухэтажный дом стыдливо присел у дороги, распахнув гостеприимную подворотню, и пустил лужу, поливая асфальт канализационными нечистотами. Здесь находилась скромная обитель Славы Апостолова.

Слава Апостолов был человеком благородного воспитания и недюжинной лени. Отрочество пьющего диссидента было бунтарским и сумбурным. Хотя, ни законопослушный дедушка его, и никто из родственников не пересекался с мятежным лейтенантом Шмидтом. Слава же был в сношениях с лейтенантом-инспектором. И он знал, что «свобода встре-

чает радостно у входа», но не спешил к её парадному подъезду, оставаясь в тени фойе, где ленивая душа искала монашеского успокоения. Проживал он как в ссылке, в каморке подвала, преобразовав её наскоро в односпальную комнатку, дабы быть ближе к народу и испытать его лишения. А однокомнатную квартиру наверху сдавал каким-то квартирантам. В очередной раз сочетался гражданским браком с советскими гражданками Нелей и Лерой. И нынче соблюдал великий пост медового месяца.

Огонь, вода и медные трубы – атрибуты героя. Новый герой люмпен-интеллигент. Он экономен и расточителен. Огненной водой, по-братски, угощает соплеменника-аборигена. Бескрылая мысль, выбравшись из гнезда кукушки, кукует ему орлиный размах. Жизнь должна вскармливать его голодное чрево. А медные трубы должны играть ему славу. Но они не играют. И он опускается, хлопая тщеславием, блистая нищим оперением.

Потом собирается стая. Грезится им жаркая страна изобилия. Вечное лето праздности. Хлебные заграничные края. Гонит их инстинкт к наслаждению. Мечутся они. Ищет жарптица сказку.

Подымет обыватель голову – Труболёты летят... И вздохнёт.

А из всех утюгов трубили западные СМИ, как вольготно живётся за кордоном. И как нежится там в сытной жизни

обыватель-тунеядо... Там, только и делай – что ничего не делай! Красота!

Всё окажется с точностью, да наоборот... Но это будет потом...

Радужный хозяин встретил гостей в матёрых красных трусах семьянина. От него разило цыганской вольностью и похмельем. Фанерий Патриарх, как король Лир, был в окружении женщин. Жрицы любви глотали его глазами. Патриарх зачитывал им нравственный кодекс Евы. Слава, уважавший закон шариата, хлопнул их по объёмным женским местам. И они, набросив паранджу невинности, исчезли на «кухне», то есть за клеёнчатой перегородкой данного же помещения с умывальником, служившим одновременно и унитазом для малой нужды. Исполняя на ходу, бедрами, танец невольниц, заводя гармониста. Толстые пальцы Гуго нервно затеребили интимный аккорд...

Комсомолки Неля и Лера жили коммуной. Медоносной пчелой они тянули в семейную ячейку нектарно-бражную массу. Упитанный трутень Слава поглощал меда, проповедуя сладкую истину «Не мёдом едины».

А душа Гуго оводом уже кружила по комнате. Патриарх смиренно запустил руку под полу чёрного пиджака и извлек, жестом факира, хрустящее пожертвование, достоинством в восемь бутылок портвейна. Гонец был послан и прибыл. Засияла пурпурная жидкость, пополняя гемоглобином

и алкоголем кровь. Заструила, жидкая пища для печени. Натянулись и зазвенели жилы души. Тряхнул цыганской головой Слава Апостолов. Сорвались девки цыганочку каблуком мять. А Гуго, как упитанный конь, копытом об пол молотит. Меха гармони раздирает.

Скачет Неля козой, длинной ножкой взбрыкивает. Грудь прыгает, словно в ладоши хлопает.

Чуют жадные ноздри гармониста женскую плоть. А Лера взглядом лукавым его ласкает. Томно волосы на плечи сбросила. Ресницы распушила. Серебряные серёжки бряцают мелочью. Прыгает змеиным глазом зелёный камешек в них.

Сава женский хлопок выбивает по попкам. Никита Донбасс матросским «яблочком» ботинки по полу катает. Они большие, как два крейсера, бороздят половую доску пьяной волной. Штормит стихия.

Захмелевший Патриарх золотую рыбку по аквариуму сачком выуживает. Невод авоськой забрасывает. Весело.

Выпрыгнула гармонь из пальцев. Гуго взял стакан, дух перевести. Андрей присел на падишахские перины. Слава, в позе шейха, изрекал библейские истины:

– У нас быть богатым неприлично. Не в деньгах счастье. Христос пришёл в мир, как бог бедных. Что может дать один неимущий другому – райскую мечту.

– Учитесь мечтать, братья! И возлюбите ближнего. Неля и Лера сияли, обнимая своего желанного наставника.

Тут и Патриарх притчу зачитал:

– Приходит в лес добрая Бурёнушка с молочным выменем. Глаза мягкие, бок лаской лоснится. Созывает она колокольчиком серого брата. Сбежались волки, на хвосты сели, языки вывалили. Слушают.

– С миром к вам пришла я и того вам желаю – говорит она.

– Возлюбим же ближнего!

– Как здорово травку пощипывать, – продолжает.

– Былинка к былинке, сочная, калорийная, во рту тает.

Тут и заяц вьюном вьётся у копыта.

– Дело говорит травоядная. Я пробовал, вкуснотища, за уши не оттянешь. Дружить давайте, серые братья!

Зацепил белым клыком волчара травушку-муравушку. Пожевал. Желудок вывернуло, слезой прошибло. Корову за шкуру:

– Ты что, ведьма рогатая?!

– Рубай её, братва!

Одни рожки да ножки остались. Хорошая была корова. Зайцев любила.

– А что, насчёт «Не желай жены ближнего?» – поинтересовался пунцовый гармонист. Лиловый глаз его, как злобный «верлиока», пробирался за пазуху хорошенькой Неле. Она закусывала наливным яблочком. Талия её извивалась змейкой, попа искушала. Гуго сунул глаза под очки.

– Вот я, не желаю ничьих жён, – изрек Слава.

– Это они меня желают.

– А любовь к ближнему? – поинтересовался Патриарх.

– В мудрых цивилизациях древнего мира женщина – воин. Амазонка. Охотница и добычица. Смотри, как они охотятся за гармонистом. Я тоже имею свой прайд. Разве они не светские львицы?

– Советские львицы! – подтвердили разом девки.

Слава стряхнул пепел с подушки, прошёлся глазами по слушающей аудитории.

– Это закон джунглей.

– Закон цивилизованных джунглей, заметьте.

– Только любовь к равным – классическая мораль цивилизации.

– А была такая цивилизация? – поинтересовался Андрей.

– Конечно, Атлантида. Воины Света.

– Воины и войска – остолопы силы. Сошлись на поле брани. Порубали башку друг другу. Не для того голова дана человеку.

– Воевать будет не нужно, когда победишь всех!

– Может сначала победить себя?

– И тогда наступит коммунизм?! – торжествовал Никита.

В этой подвальной комнате материализовалась мечта Никиты. Правда, на время, пока изобилие льёт рекой.

Перед взором Никиты всколыхнуло волной мираж. Над пенистыми водами Азовского моря «Летучим голландцем» зависал пузатый броненосец «Очаков». Браво чеканили революционный шаг матросы. Пролетарский гюйз ветер поло-

щет:

– Куда, братцы?

– К коммунизму шуруем!

Никита бескозырку в ладонь и за ними.

– Так и мне ж туда!

На палубу скок. Пароход трубой натужится, гудок даёт. Братва карты в планшеты заправляет. Штурман с боцманом в фарватер дуют. Никите задание дали, водкой приборы протирать.

– Даёшь эру милосердия, и всеобщего равенства!

И к братьям по разуму, повышать пролетарскую сознательность.. Большому кораблю, как говорится, большая торпеда.

Опять на земле он. Столовым ножом, как кортиком, орудует. Помогает Лере картошку чистить. Закручивается локоном чёрная кожа картофеля, шлёпаясь на пол. А из кастрюли прусачок рожим перископом шевелит. Готовится брать его на бордаж. Манит хлебосольный русский стол заморского таракана.

Прошагал как-то суворовский солдат бравым маршем за кордоны Пруссии. Неприятеля в берлогу загнал. Бивуак разбил, дымом закусывает. А прусачок к нему в ранец – прыг. Ливонским мундиром похваляется. Он его, как фаворита, в Санкт-Петербург и доставил. И разбежались они по кастрюлям: «Матка, млеко, яйки!» Русь всех прокормит.

Очередные ёмкости появились на столе.

– Откупоривай пузыри, Гуго-сапиенс – скомандовал Слава.

В дверь робко постучали. На пороге возник печальный Костя Вижульман, мягко переминаясь с ноги на ногу. Валенки, как два облезлых сибирских кота, жалко тёрлись об потёртый половичок.

– С Новым Годом. – изумлённо произнёс хозяин. А мех баяниста выпустил ноту душевного страдания.

Великий русский классик граф Толстой любил бродить босиком. В крылатых сандалиях путешествовал Меркурий. В сагах, странствующие нибелунги истаптывали железные башмаки. В русской былине фигурируют чудо-сапоги. Но о валенках ни гу-гу.

– Ладно, не прикидывайся валенком, рассказывай – зычным басом протрубил Патриарх. А меха баяна зарыдали.

Костя скупно изложил похмельную одиссею. Его выслушали и налили, успокаивая.

– Выше голову. Вождь мирового пролетариата в валенке весь тираж «Искры» конспиративно в Россию перетаскал.

– Валенки снять можно, а то жарко?

– Валяй.

Русская душа вообще – потёмки. Продирается она сквозь дебри дремучие. За одним голенищем – мудрость житейская. Из второго портянка выглядывает. Лоснятся начищен-

ные английские ботфорты. Золотой шпорой сияют. А она придёт и заткнёт их за пояс. Не лыком шиты.

Учёный немец через монокль вылупится, разглядывая скифскую душу, обутую в валенки. А она веками не понятна чужеземным мудрецам. Вот так.

Сумерки мягкими кошачьими лапами подкрадывались к двери. Щедро рассыпались прощальными любезностями. На кумачовой щеке Гуго Неля оставила буракового цвета поцелуй. Талисман от леди Макбет. Глаза ревнивца Славы ласково пощекотали рёбра гармониста.

Луна, словно помочилась на асфальт. Засияли неонем ночные джунгли города. Костя крался, как россомаха, озирая звериным оком прохожих. Глубокая ночь кружила над бетонной архитектурой. По лабиринтам общежития гуляли ариадновы сны. И изредка их нарушал белый унитаз, внезапным, душераздирающим рёвом... Да одинокая гармонь усердно бродила с одного лестничного марша на другой, канюча любовную страсть.

На чёрной крыше изучал интимную жизнь летучих мышей кот Суффикс.

Спросил как-то, Андрей молодую, но очень расторопную в науках преподавательницу античной литературы Елену Петровну Карпенко-Карую об Атлантиде и прочее об амазонках. Ничего не сказала наперстница Афродиты и пошла от бедра, как по волнам. А вечером сама заявила в его сту-

денческую келью монашкой, с умной книгой и вермутом.

Книга была о тайнах океанов и морей Земли, где выгуливали свои доисторические туши плезиозавры с ихтиозаврами и размножались, как креветки щупальцеобразные аммониты. Эволюция планеты и мира началась с океана в капле, где жировали доисторические амёбы. Оттуда берёт начало и мифология племён, проживающих у берегов.

Скользкая грудь Елены Петровны билась, как у русалки, застигнутой во время шторма, и пучина вермута поглотила её, в конце концов...

Забегаловка – отдушина для пролетария. Наведывается сюда инкогнито и интеллигент. Студент же, как рыба в воде. И море ему по колено. Ноги сами тянут сюда тело. Умных речей послушать. Фольклору хлебнуть. Душевной лирики нахлестаться.

Захрустела последняя трёшка в руке Кости Вижульмана. Но он достоинства не роняет, боярином-бендюжником, к стойке подходит. Трояк мелочью в кармане перебирает, по-купечески. Палец медяк ощупывает. Баночкой трёхлитровой, как кадиллом, помахивает.

– Спертый дух, вельмо.

– Что изволишь, благодетель?

– На все, гуляем!

А Андрюха глазом взвешивает.

– И сколько сюда можно набульбенить?

Толкается очередь, на ногу наступает. Волнуются люди, через плечо заглядывают, скоро-ли? А оно, холодное, льётся... Наполняется кувалда, струится-переливается. Сытостью пузырит, булькает. Бокал лучи отражает, янтарём играет. Сдобной пеной вспучивает. Журчащая сюита, органная месса. Брависсимо! Вот оно, твоё. Залейся. Фух!.. Блаженство...

Жирным телом выползает креветка, всколыхнув алое хитоновое лежбище на тарелке...

Повстречал здесь Андрей знакомого. Студента биологического факультета Вадима Бражника.

Стоял он, пиво цедил. Бокал аккуратно таял, надувая живот и мозги плотоядной мыслью. Крылатую фамилию свою он получил от непутёвой бабочки «бражника», которая глушила нектар без меры. К нему же она не имела никакого отношения. Он был серьёзным студентом и многое знал. Ходил сюда жидкого хлеба откусывать, духовно пообщаться.

– Скажи, Вадим, человек откуда произошёл?

– Ясно откуда. Создан богом из обезьяны.

– А русалок бог создавал?

– Пока нет. Русалки – фантазии озабоченных мореходов... – похрустывая рыбьим хвостом промышчал он.

– И зачем нам русалки? Это нарушение экологического баланса. Вот если воблы не станет, тогда хана. – Он указал кружкой на пивную очередь – Спроси, это нужно им? Хотя, разве что со временем, может быть...

А времени было хоть залейся.

По улицам на велосипеде катилось лето, мелькая спицами. Ветер задирает сарафан, проказничал и хватал за пушистый хвост важных котов.

«Весь мир – театр, а люди в нём – актёры» – должно быть, так изрёк великий Шекспир.

Примеряются маски.

«Вы довольно-таки упрямы, но ваша воля иногда вам отказывает, и это сильно переживается. Вам хотелось бы быть более уверенным в себе, в некоторые моменты вы просто презираете себя за неуверенность – ведь, в сущности, понимаете, что вы не хуже других. Бываете раздражительны, иногда не в силах сдержаться, особенно с близкими людьми, и потом жалеете о своих вспышках.

Иногда, вам кажется, что вас хитро и деспотично используют, вас охватывает бессильное негодование. Много сил уходит на обыденщину, на нудную текучку, уйма задатков остаётся нереализованными...

Вы уже давно видите, сколько у людей лжи, сколько утомительных, никому не нужных фарсов, мышинной возни, непроходимой тупости – всё это рядом, и сами вы во всём этом участвуете, и вам противно, а всё же где-то, почти неосознанно, остаётся вера в настоящее. Вы самолюбивы и обидчивы, но по большей части умеете это скрывать. Ну, довольно, узнали себя?» Все мы в буднях суеты таковы...

*Суета, суета, суета... Обнимает в истоме за плечи.
Я гляжу, как садятся года, словно в воск опускаются све-
чи.*

Мы остались. Перон и вокзал. Стук колес...

И опять до рассвета.

И катилась большая слеза по щеке, как большая монета.

И звенела и падала вниз. Разменяли года, как медяшки.

Суета... Оглянись, оглянись.

Жизнь, я счастлив, родившись в рубашке.

Я могу догорать и гореть. И душой согреть на морозе.

Я могу, очень жаль, умереть, в суете захлебнувшись,

Как в прозе...

Фанерий Патриарх организовал театр абсурда «Под мухой». В самом названии, по словам Патриарха, был заложен глубокий философский смысл. Он растолковывал его бес-толковым.

А разве жизнь не абсурд? Суетимся, торопимся, создаем, итог – деревянный пьедестал. Примеряет саркофаг душа. Будто в самый раз. И захлопываются двери гробницы. Для чего живёт человек? А для чего живет муха? Чтобы – быть. Или – не быть. Вот в чём вопрос.

Фанерий, он же Валерий, был старше всех по возрасту не только среди студенческой аудитории, но и некоторого преподавательского состава, за что и получил почётное прозвище Патриарх. Это был третий вуз, где он успешно по-

стигал премудрости науки. Красные дипломы двух других лежали дома в секретере. От ума или это было возрастное, но сквозь его жидкую причёску уже просвечивалась лысина. В таком виде участвовать в художественной самодеятельности было не допустимо. Какой Ромео с плёшью?

Прошёлся Патриарх по театральным гримёркам города, одолжить шекспировскую шевелюру. Вернулся расстроенный, но зато, много любопытного поведал на эту тему.

– Оказывается, парик впервые появился ещё в древности.

Первобытный мужик стремился походить на самца дикого зверя, и украшал свою дремучую башку его шерстяной шкурой или перьями птиц.

Популярностью пользовались искусственные волосы у элитных шлюх и богемы Римской империи. Клёвыми считались чёрные индусские парики. А которые при бабле, тусовались в рыжих. Бабы «блондинки» вообще пользовались успехом и у патрициев и у плебеев.

Но именно древние римляне допёрли не только украшать свою репу париком, но и камуфлировать им лысину.

Потом эту лавочку прикрыла церковь.

Плешивый Людовик XIV первым начал публично щеголять в искусственных патлах. Тут же и придворные жополизы напялили парики, чтоб подражать лысому.

Абсурд, не подчиняется эпохе, всё может быть...

Так вот, в Россию эту хренотень припёр Петр I. Сам, иногда, напяливал куций паричок за 5 рублей, что надывбал

по дешёвке Меньшиков. Это, чтоб мордой в грязь не ударить перед иноземцами.

А с XVII века додумались даже ввести их в регулярную армию! Сейчас их надевают в суде чиновники и клоуны в цирке. Это, что касается мужиков. Ну, а дамам закон не писан, как говорится.

Интересно, наступит время, когда бараны будут брить бошки? И это будет супер причесон...

Пройдёт совсем немного времени и в 90-е, стрижка «лысой» братвы будет весьма популярна...

Короче, к искусственному скальпу Патриарх поостыл.

Сам ректор писал тезисы к будущему сценарию, втолковывая главные мизансцены Патриарху. Фабула должна быть революционно-патриотическая и пролетарско-демократическая. В причинно-следственной, хронологической последовательности, с коммунистическим сюжетом, на основе социалистического реализма в развитии изображаемых явлений. От сознательных декабристов царской России – до убеждённых комсомольцев нынешнего свободного государства Советских социалистических республик. Но в духе нынешнего прогрессивного времени, разумеется.

Фанерий усердно готовился. И вот занавес открылся:

Демократическое народное общежитие им. пролетарского писателя М. Горького – «На дне» принимало студентов-декабристов и почётных зарубежных гостей.

На «Дне» гудело революционное настроение. «Декабри-

сты» -студенты булькали водкой, угощая профессора Херцена. «Батя, потянешь?» Он лупил в колокол Херцена и к сцене подкатывал фанерный локомотив «Рейхстаг-Кремль».

Два иностранца в скромных буржуазных смокингах ступили на землю Льва Толстого и Достоевского.

Швейцар Иван Ильич, отставник в кителе адмирала-аншефа встречал их.

Они представились:

– Карл.

– Фридрих.

– На «Дно», барин?

– А куда же?

Учёная мартышка, та которая трудилась и от неё произошёл человек, проворно прыгнула с плеча Фридриха и поздоровалась на ломаном русском:

– Эволюция! Прогресс! Интернационал!

– Нам два нумера, – произнес Карл.

– Унд цвай фройлянд, – добавил Фридрих.

– За медный копейка всё будет зер гут, – с пониманием подмигнул Ильич, представив горничных пролетарско-революционных кровей Клару и Розу, штудировавших коридор шваброй.

– Зер гут!

А на сцену уже поднимался аспирант Лаврентий Павлович Генацвалия, щедро угощая папиросами Беломорканал цинандали и ркацители.

– Камрад! Брос Тито! Шнапс! Чача! Ферштейн?

– Данке шон. Шпиг? Брот?

– А как же. Будьте как дома, товарищи немцы. Милости прошу за стол, а затем на поселение.

Блеснув очками научного сотрудника, он усадил их.

Затем профессор Херцен разбавил ркацителю «экстрой» по старинному русскому рецепту. Выпили по первой, третьей и последующей. Попели интернационала. Фридриху понравилась песня про паровоз. О том, как хлебосольный Иван в коммуну колымить ездил.

«Коммуна-Колыма арбайтен. Паровоз шнел-шнел шрайтен». Карл дословно переводил и пояснял. Что весенней гулкой ранью на красном паровозе летел на пролетарскую ярмарку, как ухарь-купец, удалой работник МТС, комсомолец Иван. И домчал новосёла без остановок железный конь, в аккурат, в эту самую целинную Колыму. Где повстречался Иван Гаврилов с Марьей, комсомолкой-многостаночницей. И слава богу, что всё хорошо закончилось. «Рус Гаврила айн брот унд Мария майн гот». И хлеба краюха и та пополам, но не хлебом едины и слава богу.

Потом они спели свои патриотические песни. «Дойчен зольдатен, унтер официрен зондер команден нихт капитулирен.»

Потом пели песню вместе про раздольное русское поле на курской дуге. Славные парни, антифашисты до мозга и костей. «Мин Херу капут! Свобода Бахусу!»

Прощались со слезами.

Ивану Ильичу обезьянку оставили.

– Из неё добрый Кинг-Конг вымахает, если кормить пивом и сосисками.

А если трудиться, трудиться и ещё раз трудиться, человеком таки станет. Вот и сказки конец. Хотя, сказка говорят, ложь.

Декан хохотал, слезу прошибало. Петру Михайловичу умная обезьянка понравилась. А ректор, с холодным лицом, написал приказ об отчислении Патриарха. А со всех участвовавших снял стипендию. За обезьяньи штучки. Костя Вижульман по болезни взял академический отпуск. Студенты не смотрели в глаза друг другу. Фанария Павловича на факультете не стало.

Только чего же на Фанерия Павловича обижаться, театральный реализм – отражение окружающей действительности.

Да... Придёт эта окружающая действительность с клыкастым рылом хищника и будет всех рвать и втаптывать в грязь. И не до смеха станет окружающим... Чего хотели диссиденты СССР и над чем потешались?? Получили полную свободу действий... став на четвереньки и лакая из полой лужи западное «изобилие»... Все святыни прошлой жизни оболганы и оплёваны... Восторжествовала эра хамства, лицемерия и лжи... Страна сама превратилась в вертеп

«На дне». И пошла эволюция в обратную сторону, от человека – к обезьяне.

А советская жизнь в 80-е катилась... по инерции... Не осознавая, куда можно скатиться... и до чего докатиться...
ся...

На площади Поэзии подошёл Андрей к бронзовому бюсту классика, спросил Николая Васильевича Гоголя – Так ли? Рассуди.

– Во-во, «на зеркало неча пенять, коли рожа крива...»

*У бога есть кривые зеркала,
А стёкла их – небесный кислород.
«Прекрасен ты» – душа твоя светла,
Черна душа, промолвят – «Ты урод».
Без крыльев не подняться до небес,
Для смертных недоступна высота,
Оттуда корчит рожи умный бес
В одежде благородного шута.
Бог сможет отличить Добро от Зла,
Но нужно ли Всевышнему оно???
У бога дорогие зеркала,
Не каждому смотреться в них дано...*

Колосится Время. Спелостью наливается. Ждут его закрома нараспашку. Что посеешь – то и пожнёшь. Праздность ни-

щетою прорастет. Жестокость ядовитым анчаром распустит-ся. Глупость рождает глупость. Мудрость – создатель всего.

Посадил дед репку. С бабой по рукам ударили.

– Знай наших селекционеров!

Репа брюссельская, лист к листу, чудо вырастет. Ганс Христиан, немец-огородник говорил. Дед на печь. Баба рядом. Внучка с Жучкой на гляделки, Мурка с мышкой по амбару пыль гоняют. А к нему уже Жук колорадский в пижаме полосатой:

– Дачникапустишь? Садок вишнёвый у тебя замечательный.

– Гостем будешь, проходи.

Дед на печи ворочается. Баба с печи шелуху плюёт. Внучка дитё нянчит. Жучка щенка кормит. Мурка с мышкой в жмурки играет.

– Слышь, сынок, как там репа?! – кричит дед.

– Чего-то растёт.

– Ну-ну.

Вот дед до ветру сходил. Потом баба туда пошла. Внучка недорослю сказку читает. Жучка мосёл катает. Мурка с мышкой по сусекам шарят.

– Ну что, паря, чего там? – Дед снова спрашивает.

– Ой, прёт чего-то! – Жук ему отвечает.

– Репа это, деревня!

Смеётся дед. Бабу под зад ладонью хлоп.

– А я что говорил. Тебе платок оленбургский справлю.

Внучке бюстгальтер. Детворе леденцов.

А жучара-дачник с ним прощается:

– Мне пора. Командировка закончилась. Зови родню, ба-
тя, богатство своё тyani. Один не управишься.

Собрал дед митинг и речь толкнул:

– Мы репу на ВДНХ сдадим. Большие деньжищи выручим
и Ганса-спекулянта в дураках оставим.

Когда смотрят, а там – батюшки-святы! Репей огром-
ный вместо репки качается. Чудище динозавровое. Зелёный
мундир ошетинил. Всем репеям, репей, генералиссимус. Дед
Ганса сквернословит на чём свет стоит. Внучка огонь в мас-
ло подливает:

– Это ихние империалистические штучки!

А баба со своей колокольни:

– Это кара господня за то, что в пост сало ели.

Успокоились понемногу. По гороскопу разобрались, что
в этот год только репейник и растёт. А дед решил к Гансу
заглянуть. Погрызть одолжить. А у Ганса морда, что репа.
Репа, что хата. Дед так и сел. Баба в корсет затянута. Внуч-
ка с Жучкой прогуливается по-учёному. Кот вискас лопает.
А мышки не видно. Сам Ганс пиво цедит:

– Иди, фатер, налью.

Хлебанул дед и побрёл назад.

– Ну что? – Все к нему.

Махнул он рукой.

– Немец, он и в Африке, немец. С жиру бесится. Жена

у него молодуха. Внучка не шалава. У собаки родословная на два листа. А кот не сметану жрет, а мышей ловит. А у нас всё дерьмо. Колется занозистая сказка...

Андрей шлялся по городу, прошёлся по улице Сумской. Где рыдала Зеркальная струя слезой девственницы, встретил Шуру Тараканову. Первокурсница, как княжна, деликатно лизала мороженое. Поболтали. Поцеловались на скорую руку. Поцедили портвейна, поплевались семечками. И расстались.

Выдохнуло лето последнюю грусть. Лопнули её губы черешнями. Подвязало она золотую косу чёрной лентой и ушла, не попрощавшись. Снова, Молодой апрель, подшофе, под руку поведёт весну-распутницу. Окликнешь, – обернётся, узнает. А сказать нечего друг другу... Так уходит юность.

– Прощай, – шепнут глаза.

– Пока.

Но снова ждётся.

А потом, заехал Андрей к бабушке, в район Основы. Там, в прилегающих кварталах, с преимущественно одноэтажными жилыми домиками, расположен и её частный сектор. С маленьким яблоневым садиком и качелями из детства. Солнечный луч скользил по троллейбусному стеклу, впрыгивая в глаза. Город ещё хранил последнее тепло осени.

Бабушка Андрея, Елена Романовна, была из «бывших», не пролетарского сословия. Она закончила гимназию, а потом Смольный институт благородных девиц. По окончании института, как лучшая выпускница, получила – золотой вензель, который самолично вручал ей последний император России Николай Александрович.

Но быть образованным в то время было неприлично и опасно. Елена Романовна это сообразила и одела красную косынку.

В стране царил хаос и хозяйственный упадок, товарный голод и инфляция. Проходила волна снижения зарплаты. А театрализованные агитационные бригады, на митингах, записывали в светлое будущее сознательных.

В составе такой агитбригады, была и комсомолка-активистка Елена, пропагандируя «передовой» опыт, грамотно «критикуя» недостатки.

И, будучи в Петрограде, видела самого товарища Кирова. Уже в зрелом возрасте, преподавала в Харьковском вузе научный коммунизм, и трактовала «Моральный кодекс строителей коммунизма» не хуже заповедей Моисея. Елена Романовна понимала, что коммунистического рая гегемону не видать, как своих ушей. А партийная элита давно проживала в этом самом эдеме.

Моральные и реальные сокровища были уже экспропрированы.

Интересно было другое. Бабушка имела уникальную спо-

способность видеть уже сформировавшиеся события в ментальном мире, которые ждали своего проявления в мире физическом. Но об этом она помалкивала.

Мозг – это не что иное, как биологическое информационное поле, подключаемое к информационному пространству общемировой сумме знаний. Человеку от природы, дано получать лишь часть данных из хранилища, но в случаях сильных стрессов происходит некое переключение, и у таких людей появляется расширенный доступ к этому информационному пространству.

А все гадалки говорят обтекаемыми фразами... сбудется – вы запомнили, растрещали всем... не сбудется – забыли...

Так вот, когда по оплошности ей принесли похоронку на мужа, она ослепла. Зрение восстановилось через несколько лет, когда родилась дочка, мать Андрея, но она получила этот «дар».

Спросил её Андрей как-то, можно ли видеть будущее?
– Каждый, так или иначе, видит его. Есть прогнозирование событий или манипуляции предсказаний. Будущее, в чистом виде, увидеть нельзя.

Закончилось лето. За ним наступила осень. А потом пришла зима, согласно статистике календаря.

И стало совсем холодно...

Мохнатые снежинки белокрылыми малютками-мошками,

настойчиво бьются о стекло, ломая хрупкие крылышки. Они безрассудно летят, пытаясь пробиться к теплу, и погибают, растаяв в летаргическом сне забвения. В одинаково-хаотическом безымянном множестве все они – снег. А каждая – единственная, прекрасная хрустальная жизнь. И уже неповторима. И судьба её – немислимо закрученная траектория парения. Можно ли, предсказав, повторить её полет, если существуют предсказания? А если нельзя предсказать её судьбу, можно ли отгадать судьбу другой жизни?

Земля Полбанко – страна Заходящего солнца

*«Нет худа без добра, сказала Лиса —
зато ты попал в Страну дураков»
А. Толстой*

Встряхнула вечность застывшим временем. Заструило оно сквозь пальцы, как песок. Млечный путь проявился пылью звёздных созвездий – дорога к богу. Перевернул Создатель песочные часы. Время – деньги.

Потянулся сонный сфинкс в пустыне. Подтянул стрелку пунктуальный Биг Бэн. Ударили в литавры золотые куранты со Спасской башни. Прокукарекало первым сентябрь село Кукарекино, с хрипотцой, голосисто, на зорьке. Прополоскал горло свежим рассветом лес.

*Утром жёлтенький цыплёнок просыпается для всех.
Неба чистого ребёнок, дарит нам улыбку, смех.
Облака кудахчут рядом, пёстрой радугой плетень.
И под бога зорким взглядом взял и вылупился день.*

Дымили пруды. Белая луна, бултыхнув вниз, заваривалась вкрутую. Золотистый чаёк воды растекался студенистою яб-

лочной наливкой. Непросыхающий гусак шлёпнул козырно тело в воду. Набивая зоб всякой чепухой. Брызнула мелочью рыбёшка.

Заструило небо. День был подан спелым и свежим, с зелёным сочным хрустом и запахом укропа. Туман душистым самогоном ещё дурачил ноздри. Белый купол неба поглотил его. И засияло всё. И поплыли молочные облака.

Коля Полбанко проснулся бодрый, как огурчик. Пушистый солнечный зайчик, скатившись с одеяла, заскользил по полу. На сковородке, волнуясь, оседал масляным диском блин омлета, натягивая на рыхлое тело смуглую корочку. Изумрудная зелень пускала длинные соки.

Запахиваясь сытым запахом, Коля тайно набулькал рюмочку. Поясок её девственно вздрагивал от прикосновения. Выпуклый живой хрусталик поймал ипил солнечную каплю-жемчужинку. Она моргнула зеркальцем путаны, звонко лопнула и растеклась серебристой прозрачностью до краев, защекотав ароматом, наполнив глаза аппетитом и нежной влагой. И застыла мерцающая. Не дыша. Коснись – разобьёшь. Глаз уже плавал, хмелел и барахтался. Лебедем окунаясь в студёную купель-озерца. Оттаивали гусиные прожилки. Набухало пьяной вишней глазное яблоко. Напивались и алкали кровяные сосудики, присосавшись крохами артерий, дружно поглощая алкалоиды оазиса-миража... Коля резко вылил обратно содержимое. Одноразовый сеанс алкогольного спиритизма был закончен.

Со вчерашнего дня Коля вёл трезвый, удручающий образ жизни. Свежая рана души не спешила затягиваться.

Попал он туда, как кур, в ошип. Увозили его, как татя в острог, на излечение от алкогольного недуга. Родной тещуха запрягал дрындулет «ижачок» в районный центр. Мотоцикл, вывалив забулдыжную фару, по-дружески мигнул солнечной слезой. Шурин, пряча глаза, подсаживал свояка.

Будто и не он вовсе, а другой Коля Полбанко, двойник-выпивоха, должен был занять его место. Но супруга Таня уже упаковывала своё тело в коляску. А траурное лицо тёщи торжественно страдало рядом. Стреноженная душа репейником уцепилась за пузырящуюся штанину сиротливого собутыльника. Тот прощался, выжимая из воспалённых глаз преданную слезу.

Оторванное тело безвольно болталось за спиной дисциплинированного Поликарповича. Дрындулет вилял дохлым задом и подпрыгивал. Чах помаленьку Коля. Родные пейзажи затягивала слезоточивая слеза. На онемевшем языке колосился матюк... Эх... Плешивый пёс воем выгрызал душу.

В районном центре, на пивной, хлопала на ветру афиша. Последнюю гастроль проездом давал доктор-чародей. Корифей медицины. Алкогольный недуг он снимал, как порчу, по-научному. За один сеанс, как Хоттабыч, исцелял нутро, превращая красный портвейн, богатый алкалоидами, в питательный томатный сок, богатый витаминами. Подрывая природно авторитет вседержателя «ивашки хмельницкого».

Бес ему в ребро. А из его ребра извлекал вопящую, чистую лимонадную душу...

Представилось Коле, шлепает его босая душа, щеголяет трезвостью, спешит сметанной неги полакать. А со всех сторон несутся на неё остервенелые собутыльники, лязгая злобными чекушками. Уши Коли затрепетали красными флажками, а душа чутким носом улавливала хищный запах охоты. Он затаился за спиной тестя. Поликарпыч выдоил информацию и потрусил. Пробираясь по коржам асфальта, «ижачок» жилился и кашлял бензином. Коля подпрыгивал, как жокей, уныло рассматривая улицы.

Бабушка козу облезлую прогуливает. Та взбрыкивает. Несет вымя, как буфетчица поднос с пивом. Девица с булкой задом дирижирует по-городскому. Талия рюмочкой. Взъерошенный воробей в пыльной луже обидчика топит. Сквернословят, как бендюжники. Соплеменники не вмешиваются в пьяный базар. Наблюдают общипанную перистость в воздухе. Запрыгал мотоцикл, остановился у жидкой клумбы. Анютины глазки лиловым фингалом покачивают. Деревца известью выпачканы. Больницей запахло. Заныла душа, как больной зуб. А Таня из коляски мотоцикла вылезла и взглядом его тут же отстегала.

Расправил Коля белую рубашу, верхнюю пуговку защёлкнул и шагнул в дверной проём. Вялые пальцы его растёгивали штаны для укола. Супруга помогала, высвобождая ягодицу. Профессор отстранил её в коридор. Вместо неё появи-

лась важная медицинская сестра с кондуитом под мышкой. Внесла Колю в реестр и велела спрятать голый зад. Он послушно выполнил. Она напоминала ему доярку Сильвестровну. И расположила к себе. Сильвестровна прочитала ему лекцию о хронической трезвости, так ласково и убедительно, что Коля захотел с ней чокнуться и выпить, как с приятной собеседницей-собутыльницей. Но постеснялся предложить.

Он узнал, что все без исключения болеют не только зубами и животом, но и циррозом. И этот фатальный факт может иметь летальный исход. Он ахнул. Оказывается, и бедный Поликарпыч, и любимая Таня, и кот Тимофей, и даже сам профессор являются заложниками этого цирроза. Сильвестровна успокоила. Это в фигуральном смысле. Коля сообразил фигу в кармане и успокоился.

Злобная бацилла цирроза вольно разгуливала по его печени. Но профессор её завалит, как хряка. Причём, безболезненно усыпит гипнозом. И уже сонную её извлекут на свет божий. Коле представилась жирная бацилла в виде скользкого гада-солитёра, которая бидонами глушила брагу и за жирала самогоном. То-то Коле всё не хватало. А медицина обнаружила её!

– Пора прищучить гидру, – ультимативно заявил он. Не желая больше выливать в помои свою донорскую кровь, богатую портвейном.

Сильвестровна мелькнула пухлыми ляжками. Профессор потёр обезьяньи ладони и приступил. Вращая глазной лин-

зой, он гипнотизировал Колину печень. Обнажив её, как под рентгеном. Циррозная бацилла сопротивлялась и изворачивалась. Коля усердно потел. Белая рубаша пузырилась на его теле. Целитель давал отсчёт, мордуя внутренний орган.

– Девять, восемь, семь. – живот профессора навис над Колей.

– Шесть.

Солнечный луч пустил янтарную слезу.

– Вам хорошо. Очень хорошо. Замечательно.

– Ага... – выдавили голосовые связки.

– Пять, четыре, три, – выкручивал он алкогольную душу, выдавливая последние капли.

– Два.

Он запустил пронизательный взгляд через глазницу в чрево, мысленно ухватив бациллу за промежность.

И понесла она его через леса и горы.

– Держись...

Профессор зубами скрежещет. Из приоткрытой двери Сильвестровна наблюдает за операцией. Грудь тискает влево-вправо, переживая. А мокрые глаза Тани исцеловывают супруга. Поликарпыч в гипнотическом экстазе рукой себя за одно место хватил, не отпускает. Будто у него там тоже завелась бацилла злобная. Глаза из орбит вылазят. Наконец, профессор обмяк, как куль. Выдохнул Коля. Загнал, должно быть, в стойло тварь. Загипнотизировал бациллу. Пот по профессору, как кузнечик, прыгает. По Коле ручейком

лётся. Улыбаются они друг другу. Коля ему комплимент, чтоб приятно было.

– Вы нашему коновалу не родственник?

– Мы скотину не лечим – говорит профессор.

– Мы к людям со всем вниманием.

Добродушный он малый. И халат скинул. По-приятельски пузом светит. Сильвестровна записывает:

– Как самочувствие?

– Могу хоть сейчас микстуру принять – бодро отвечает Коля. – Как бацилла угомонилась, простору – во!

– Нельзя, – ласково замечает профессор.

– Можно и повременить – покладисто соглашается Коля.

– Час-другой.

– Годик-другой – поправляет профессор.

Коля и встать не успел, но уже сел.

– Так скопытилось же оно, циррозное? Теперь же можно пить по-человечески?

А Сильвестровна по-медицинскому объясняет.

– Ну, в общем, этот зелёный змей спит в анабиозе. Но капля алкоголя может превратить его в дракона-чудовище. Поэтому пить теперь Коле никак нельзя. А не будет пить, монстр и сам сдохнет.

Жутко Поликарповичу стало. Выходит, у зятя его, как у беременной бабы, в брюхе дракон живёт. А он с Поликарповичем вместе на рыбалку ездил. Нет. Брешет медичка лукавая, чтобы зятя застрашать. Наверняка, у него глисты со-

бачьи. Потому как лапы свои перед едой не любит мыть. А Поликарпыч, моет.

А Коле дракона циррозного жалко стало. Он поросёнка заколоть не может, не то что пресмыкающегося динозавра. Нехай живёт. Он его втихаря подкармливает будет бормотухой.

Профессор еще раз предупредил о последствиях. Что придут за Колей страшные рогатые черти.

Коля вздохнул. Рогатое существо уже посещало его, и «оно» было вовсе не страшное, и Коля, даже, подружился с этим существом. Так что профессор сам «беса гонит». Но он промолчал, чтобы не расстраивать хорошего человека.

Прощались радушно. Сильвестровну звали Эльвира Израилевна. Она подарила Коле на память брошюру «Трезвость – норма жизни» с картинками. На одной стороне гадкие зеленые алкоголики пляшут с чертями вместе вокруг бутылки. А на другой они, но уже розовые и перевоспитавшиеся, в кругу детворы с игрушками. Поют: «Кукла с мишкой бойко топают...»

Коле предстояло бойко топтать с супругой Таней. И петь с любимой тещей: «Баба сеяла горох». Он вздохнул потерянно. Таня похвалила фикус на подоконнике. Тесть попрощался с его превосходительством доктором. Тронули в хорошем настроении. Ехали серьёзно-молча. Из обочины злорадствовал репей. Хлопал грязным телячьим ухом лопух по ботинку. А облака накатывали по небу стерильную невинность.

Кастрированная душа Коли Полбанко безразлично бултыхалась в теле.

Встречали Колю, как героя, демобилизованного по контузии. А на алкогольном поприще он был разжалован... И даже дед Ивашко, в прихлебательском чине, закручивал ус в водочную бескозырку. Даже летом он не имел привычки сбрасывать ватные галифе, прохаживаясь, как облако в штанах, из которого малахитовым портсигаром поблескивал зубной эликсир «Для мужчин».

Сегодня будут отмечать Колин трезвый образ жизни.

Дом был полон гостей. Женщины Колю целовали. Мужчины соболезнавали. Тёща ворковала над столами с пампушками, закрученными в фиги. Радужно совала их под нос. Они румянились глазурью с маком. Носилась стервятником с телячьими котлетами, свесив на блюдо сдобную грудь. Цепким пальцем вылавливала сморщенный в кулачок огурец для деда Ивашко.

– Колины, кушайте.

В праздничной юбке помидорного цвета, которую надевала по случаю и на выборы в сельсовет, она фигурировала между столов.

– И у нас зятя не хуже других.

Будто собиралась баллотировать Колю на вакантную должность муж-председатель. Таня облачила супруга в новый костюм и выпустила сизым голубем. Коля в нём выглядел солидно, как директор птицефабрики.

Вольдемар Бузука, бывший закадычный приятель, под-
сунул под него стул. Коля чувствовал себя в пиджаке, как
в смирительной рубаше. Новая жизнь давила его новыми пра-
вилами. Костюм отливал дымчатой мастью. И Коля сам был
парадно-выходной.

Вольдемар Бузука бдительно нёс пожарную службу в Ку-
карекино. В прошлом состоял учителем пения. Имел тягу
к творческим изобретениям и носил массу тайных замыслов.
Химичил, как алхимик, над усовершенствованием процесса
перегона H₂O в спиритус вини. Напиток полезный для пе-
чени.

Доподлинно известно, что Менделееву его знаменитая
таблица явилась во сне. Бузуке, с пьяных глаз, пригрезил-
ся уникальный самогонный агрегат. По его чертежам Коля
неделю собирал агрегат, как паровой двигатель. Оба трезвые,
собутельники серьезно готовили, принимающему за ворот-
ник миру, сюрприз. Аппарат выдержал испытания. Обильно
давал продукт. Но, увы, не натурального качества. Жидкость
не воспламенялась и даже не чадила. И, гори оно огнём, за-
тею отбросили. Бузука поостыл. Женскому полу он пред-
ставлялся брандмейстером, как иностранец. На этот случай
носил в кармане пачку золотистого Монте Карло, хотя не ку-
рил, прислушиваясь к гипотезе Минздрава. Монте Карло
с важным видом предлагал хихикающим мадамам в фиоле-
товых колготах. В личном гардеробе имел парадный казен-
ный мундир пожарного инспектора, не хуже самого Мон-

те-Кристо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.